

ТЕРРИТОРИЯ

Эдгар Грант

16+

Эдгар Грант

Территория

«Автор»

2022

Грант Э.

Территория / Э. Грант — «Автор», 2022

Глобальное потепление неизбежно. К концу XXI века на планете произойдут катастрофические изменения, которые загонят людей в несколько Обитаемых зон - ограниченных пространств, на которых еще будет возможно существование организованных обществ. Территория - самая крупная и мощная из них будет находиться в России на Среднесибирском плоскогорье. Она останется единственной опорой человеческой цивилизации и основой ее выживания и развития. С какими вызовами столкнутся ее жители? Каким новым угрозам им предстоит противостоять? Возможно глобальное потепление приведет к катаклизмам гораздо более опасным, чем катастрофическое изменение климата. О версии будущего читайте в романе Эдгара Гранта «Территория».

© Грант Э., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Эдгар Грант

Территория

Предыстория

То, что с климатом Земли происходят серьезные изменения, было очевидно еще в конце прошлого века.

С началом индустриальной эры на границе XIX и XX веков вначале медленно, затем постепенно набирая темп, начал меняться состав атмосферы. Ученые регистрировали устойчивый рост парниковых газов, таких как двуокись углерода, метан, озон и всем известный водяной пар. Эти газообразные составляющие того, что мы называем воздухом, поглощают отраженное от земли и океана инфракрасное излучение и блокируют его в атмосфере. Основным источником этого излучения являются Солнце и частично геофизические процессы. Из-за этого поверхность планеты нагревается все больше и больше, постепенно превращаясь в подобие теплицы. Отсюда и название – парниковый эффект.

Происхождение парниковых газов может быть природным, например от вулканов, крупных пожаров или изменения солнечной активности. Может оно быть и антропогенным – являющимся результатом деятельности человека вроде сжигания углеводородного топлива, сельскохозяйственной деятельности или выбросов в атмосферу провоцирующих веществ в процессе промышленных производств.

До сих пор ведутся споры о том, являлись ли индустриализация и потребительский бум основными факторами повышения температуры на планете или ее колебания были частью естественных природных циклов, связанных с Солнцем и геофизической активностью. Какой бы ни была причина, в 80-х годах прошлого века повышение средней температуры на планете заметно ускорилось. В то время развитые страны вошли в третью фазу индустриализации, энергетика которой основывалась на сжигании ископаемого топлива, сопровождаемого значительными выбросами в атмосферу углекислого газа. Одновременно с этим резко возросло потребление населением Европы и Америки электроэнергии и товаров, для производства которых опять-таки необходимо было сжигать углеводороды.

Уже тогда ученые, заметив это неблагоприятное для экологии Земли явление, начали составлять первые климатические сценарии. С развитием цифровых технологий их модели становились все точнее, а прогнозы – все более удручающими. Они сводились к двум ключевым датам.

При сохранении уровня индустриальной активности к 2030 году повышение температуры должно превысить пороговое значение в 1,5 градуса по сравнению с доиндустриальной эпохой, которая закончилась в начале XX века. Как только это произойдет, процесс потепления станет необратимым. Причиной тому несколько факторов, напрямую завязанных на парниковый эффект. Активное таяние вечной мерзлоты и разложение океанических газогидратов с интенсивным высвобождением в атмосферу содержащегося в них метана. Уменьшение объема углерода, поглощаемого сушей и океаном. Рост интенсивности бактериального дыхания, увеличивающего выделение парниковых газов. Уменьшение изъятия углерода из атмосферы из-за сокращения площади лесов, растительного покрова и значительного падения массы фитопланктона в результате повышения кислотности океана. Способствующее прогреву почвы и воздуха падение отражающих свойств земной поверхности из-за сокращения снежного покрова и ледяных масс как по площади, так и по времени. Это лишь некоторые из процессов, которые, по мнению ученых, должны были ускорить рост температуры и свести к нулю возможность его остановить или замедлить существовавшими на то время технологиями.

Второй ключевой вехой потепления климатологи считали 2050 год – когда на значительной части планеты погодные изменения примут разрушительный характер, препятству-

ющий ведению хозяйственной деятельности и напрямую угрожающий жизни людей. Здесь предлагался самый широкий набор природных катаклизмов, каждый из которых даже сам по себе мог обернуться для человечества полномасштабной трагедией. Европе и Америке пророчили экстремальной силы ураганы и торнадо, наводнения, поднятие уровня океана, жесткие засухи летом и арктические холода с непрекращающимися снежными бурями зимой. Почему только Европе и Америке? Потому что именно американские и европейские ученые на тот момент занимались исследованием климата и, естественно, их приоритетом была оценка влияния потепления на свои регионы. Как катастрофические изменения климата переживут страны «бедного юга», никого, по большому счету, не интересовало.

В начале XXI века повышение температуры достигло одного градуса. В то время климатическую катастрофу еще можно было остановить. Специальная комиссия ООН подготовила примерный комплекс мер по резкому сокращению выбросов парниковых газов. Этот документ предполагал кардинальное сокращение промышленного и сельскохозяйственного производства в развитых странах, а вместе с ним и драматическое урезание потребления продуктов питания, товаров и услуг, а значит и резкое падение уровня жизни населения. Для того чтобы спасти человечество, его самым расточительным потребителям – американцам и европейцам – нужно было отказаться от излишеств вроде больших частных домов, дорогих машин, обилия энергопотребляющей бытовой техники и прочих расточительств в пользу экологичной, гораздо более скромной и менее комфортной жизни.

Вполне естественно, было бы верхом глупости предполагать, что Запад пойдет на это самостоятельно и добровольно. Такие тектонические изменения могли быть проведены только при наличии доброй воли и ответственности у правящих элит. Но для государств «золотого миллиарда»¹, на долю которых приходились тогда половина выбросов в атмосферу и две трети потребления мировых ресурсов, этот план был неприемлем. Для Америки и Европы он бы означал развал политических и экономических систем и переформатирование геополитического пространства в пользу новых растущих экономик.

После фактического отказа развитых стран от плана предотвращения климатической катастрофы и замены его набором бессмысленных пропагандистских шаблонов о «новой зеленой экономике» и «зеленом переходе» все материалы ООН были засекречены. Публичная дискуссия по теме перешла в область развития «зеленых» технологий, не способных в реальности сдержать глобальное потепление, и полунаучных спекуляций, продвигаемых разного рода маргинальными группами экологических активистов. Сделано это было для того, чтобы избежать панических настроений среди населения и выиграть время в надежде на прорывное открытие, способное быстро и безболезненно решить проблему глобального потепления.

Именно тогда люди сделали климатическую катастрофу неотвратимой.

Окончательный приговор был подписан семьдесят лет назад, в 2005 году, на тайном совещании лидеров ведущих экономик Запада, состоявшемся после вступления в силу Киотского протокола². На этом же собрании был выделен скромный, но вполне ощутимый бюджет на финансирование научных разработок, способных через изъятие парниковых газов из атмосферы восстановить или хотя бы замедлить глобальное изменение климата.

Лидеров западных стран, принявших тогда это критически важное для истории человечества решение, можно было понять, ведь речь шла о далеком будущем с шагами в 30 и 50 лет. На тот момент они не хотели жертвовать комфортом и благополучием своих стран и своими политическими карьерами. Ведь за десятилетия могло случиться все что угодно.

И это «все что угодно» случилось.

¹ Условное обозначение населения развитых стран Запада.

² Подписанное в 1997 году в японском городе Киото международное соглашение по сокращению выброса парниковых газов в атмосферу с целью предотвращения глобального потепления.

К 2020 году над климатическими моделями уже трудились сложные нейросети, выстраивая детальные прогнозы изменений для континентов, крупных регионов и даже отдельных городов. Их работа не была засекречена. Результаты можно было найти в открытом доступе. Правда, чтобы не очень пугать публику, они были сглажены теми, кто предоставлял гранты для исследований.

В то время любой, интересующийся темой, мог обратить внимание на угрожающие процессы, происходящие на планете. Если оставить в стороне сговор правительств с верхушкой ООН, то причину безразличия к проблеме большинства населения западных стран можно было легко объяснить. Крупными СМИ полностью игнорировалась ее основная причина – безудержное, избыточное, граничащее с преступным расточительством потребление товаров и услуг, являющееся основой функционирования капиталистических обществ. Дискуссия в интернете ограничивалась узким кругом экологических активистов, старавшихся на ней заработать. Такая информационная блокада задвинула реальную причину нарастающей глобальной катастрофы на задворки международной повестки, предоставив обществам и политикам бессмысленные фантомы в виде «экологичной энергетики», «декарбонизации экономик» и «зеленого перехода».

Но все же нашлись люди, которые обратили внимание на эту глобальную проблему. Они принадлежали к двум категориям, которые в корне отличались друг от друга по интересам и отношению к проблеме.

Первые принадлежали к новой финансовой верхушке Америки и Европы, сделавшей состояния на цифровой экономике и завязанных на нее биржевых спекуляциях. Озаботившись сохранностью своих активов в будущем, некоторые из них, каждый по отдельности и в разное время, вышли на проблему глобального изменения климата и вполне справедливо расценили ее как личную угрозу. Будучи продуктом своих общественных систем, пропагандирующих индивидуальную свободу и финансовый эгоизм, они пришли ко вполне логичному решению: обезопасить себя и близких, позволив остальному человечеству выживать как получится. Эти чрезвычайно богатые, неглупые, а самое главное, очень активные люди поодиночке и группами стали строить автономные убежища в местах, которые им показались достаточно защищенными от будущих погодных катаклизмов.

Во вторую группу входили всего несколько человек, принадлежащих к наиболее дальновидной и адекватной части быстро деградирующей интеллектуальной элиты США. Эти незаметные уже немолодые люди находились на самом верху пищевой цепочки влияния и власти в Америке и обладали колоссальными ресурсами и возможностями формировать реальную политику. Эту неизвестную, невидимую, но вполне осязаемую силу журналисты окрестили «хозяевами денег». Именно они в полной мере осознали весь разрушительный потенциал грядущей климатической катастрофы. Поняли они и логику, по которой политики решили скрыть проблему от населения. Но, в отличие от вашингтонского болота, пустившего все на самотек, «хозяева» решили действовать на опережение, чтобы в новом мире сохранить свои кланы, активы и влияние. С этого момента проблема изменения климата перешла в практическую плоскость выживания человеческой цивилизации, а для определения ее масштабов и временных рамок «хозяевами денег» были выделены необходимые ресурсы и привлечены лучшие ученые.

Очень скоро стало понятно, что катастрофы избежать не удастся. Более того, за прошедшие с начала века двадцать лет была безвозвратно упущена возможность остановить движение человечества к температурному порогу в 1,5 градуса, при достижении которого процесс изменения климата становится необратимым. Во время исследований подтвердились и разрушительные последствия потепления, которые с нарастающим эффектом с 2030 года будут оказывать резко негативное воздействие на мировые экономики вплоть до невозможности ведения

хозяйственной деятельности в обширных промышленно развитых регионах. Стали очевидны связанные с этим гуманитарные, политические и военные риски.

Стало очевидно, что, столкнувшись с необратимыми погодными процессами, развитые государства начнут войны за ресурсы, беднейшие страны будут обречены на вымирание от голода и болезней, волны неконтролируемой миграции усилят хаос и обособление целых регионов. К середине века произойдет полная дезинтеграция оставшихся элементов структуры международного права и глобальной безопасности. Сильные страны вроде США, России и Китая будут брать то, что захотят. А это неминуемо приведет к их столкновению, которое выльется в ядерную войну и уничтожение цивилизации Северного полушария в ее привычном виде.

Такой вариант категорически не устраивал «хозяев денег».

Из тройки сформировавшихся к двадцатым годам центров силы наибольшую опасность для глобальной стабильности представляли США. Они стали фокусом нескольких проблем, самым примитивным, хоть и очень рискованным решением которых могла быть война.

Несмотря на инновационность и технологичность, экономика США стремительно теряла конкурентоспособность прежде всего в сравнении с Китаем. Доля реального производства и услуг в ВВП Америки сократилась до 40%. Остальные 60% относились к услугам финансовым, а попросту биржевым спекуляциям, генерирующим вместо материальных благ поток ничем не обеспеченных денег. В Китае наоборот – 80% экономики составляло производство. Это означало, что при практически одинаковых по объему экономиках к 2020 году Поднебесная почти в два раза опережала США в реальных секторах, а значит уже заняла место глобального индустриального лидера.

Вторая проблема, с которой столкнулся Вашингтон, лежала в области внешней политики. После развала СССР Америка стала единственной в мире супердержавой. Но вместо того чтобы взять на себя роль справедливого лидера, она превратилась в глобального гегемона, действующего только в своих интересах, игнорирующего международное право и грубо навязывающего остальным государствам свою волю. При этом Москва – основной противник Вашингтона в холодной войне – не была полностью нейтрализована ни экономически, ни, самое главное, в военном плане. В начале века внутренняя ситуация в России полностью вышла из-под контроля США. К власти пришел сильный патриотичный лидер, который за очень короткое время провел модернизацию вооруженных сил и вернул стране статус военной сверхдержавы, начав активно купировать растущие угрозы национальным интересам.

Расслабившийся на лаврах победителя в холодной войне Белый дом вдруг понял, что Америка безнадежно отстала от России в новых типах вооружений и потеряла стратегическое превосходство, а вместе с ним и возможность силового давления на Москву. Несмотря на несравнимо больший военный бюджет, Пентагон пришел к выводу, что уже не может ни гарантированно уничтожить сделавшего резкий технологический рывок противника, ни защитить Америку или ее союзников от разрушительного ответного удара. Стало очевидно, что через очень короткое время Россия нарастит критическую массу новых вооружений и, пройдя положение силового паритета, станет самой мощной в мире державой с точки зрения оборонного потенциала. Такое развитие событий оставляло Америке очень узкое окно возможностей в 5-7 лет, в течение которого ей нужно было если не переломить ситуацию в свою пользу, то хотя бы выровнять ее.

Получалось, что к двадцатым годам из-за ложного ощущения неуязвимости, по-детски наивной иллюзии собственной исключительности и отсутствия дальновидных политиков США фактически уступили глобальное экономическое лидерство Китаю, а военное – России.

Еще одной точкой потенциального срыва оказался основной элемент американской гегемонии – доллар. В 2020 году даже самые консервативные эксперты предрекали американской валюте скорый крах из-за бесконтрольного роста ничем не обеспеченной спекулятивной денежной массы. Стало очевидно, что с коллапсом долларовой пирамиды будет утрачен основ-

ной рычаг влияния США на международной арене и ключевой фактор поддержания уровня жизни и государственных расходов внутри страны. Такая ситуация на фоне растущего расового, материального и политического расслоения населения грозила обрушением американской экономики, взрывным ростом протестных настроений вплоть до гражданской войны и развала федерации на несколько государств.

Все эти проблемы обострялись возведенной в абсолют политкорректностью и ускоряющейся дебилизацией вашингтонских элит, не способных и не желающих предпринимать разумные шаги для корректировки политики США в новых мировых и экономических реалиях. Вместо детального анализа внутренней и внешней ситуации и перехода к практике разумных компромиссов политики продолжали культивировать у правящего класса иллюзию исключительности и неуязвимости Америки. Возможность беспрепятственно продвигать свои интересы с помощью грубого давления вплоть до применения военной силы была одним из ее основных постулатов. Вторым – беспричинная вера в то, что Россия в случае военного конфликта не станет применять ядерное оружие из-за нежелания разрушить человеческую цивилизацию. Бороться с двумя этими мифами даже на уровне «хозяев денег» становилось все труднее. К тому же во власть пришло новое, выращенное на дешевых шаблонах об американской исключительности и неуязвимости поколение ультралиберальных политиков, не признающее прежних авторитетов. Они были ставленниками зарождающихся в Америке новых сил, сделавших состояние на цифровой экономике и завязанных на нее финансовых спекуляциях. Их целью было постепенное разрушение и подчинение себе государства и получение тотальной власти вначале над Америкой, а затем и над всем миром.

Самым опасным в данной ситуации было то, что новые политики видели решение этого сложного клубка проблем в развязывании глобальной войны и наивно предполагали, что она не перерастет в обмен ядерными ударами. По их нехитрому плану война с Россией должна была начаться на подконтрольной им Украине, а затем перекинуться на Европу, предоставив США возможность списать под нее свои колоссальные долги, возродить увядающую промышленность и перейти к тоталитарным методам управления страной.

Надвигающаяся климатическая катастрофа должна была усилить давящие на США противоречия и перевести новую мировую войну из категории возможной в категорию неизбежной. Не было сомнений, что ради выживания страны будут активно использовать вооруженные силы в смертельной схватке за оставшиеся ресурсы и те немногие места на планете, где можно будет более-менее комфортно жить. Все понимали, что основным участником в этой бойне будет Америка.

Чтобы не допустить фатального конфликта, «хозяевам денег» нужно было снизить агрессивность США и значительно сократить их военный потенциал. Для этого был разработан и в 2025 году успешно осуществлен хитрый план. В его основе лежали управляемое уничтожение быстро теряющей авторитет американской валюты как основы гегемонии США и последующий переход на новый криптодоллар, полностью контролируемый государством. Такой подход должен был исключить возможность финансовых спекуляций и сфокусировать денежную систему на развитие реального сектора экономики. К тому же в результате финансового перехода предполагалось зачистить рвущихся к власти владельцев технологических корпораций.

Эта сложнейшая операция была оформлена как исходящая от одной из криптоплощадок кибератака на глобальную долларовую расчетную систему, в результате которой вся информация об активах на долларовых счетах и транзакциях во всех финучреждениях мира должна быть безвозвратно уничтожена.

Обнуление долларовых счетов вызвало в мире финансовую, а затем и экономическую катастрофу. Ее разрушительные последствия были сравнимы с полноценной мировой войной. Только двум странам, США и России, удалось выйти из этого катаклизма с минимальными потерями. В первом случае потому, что процесс разрушения доллара, по сути, представ-

лял собой хорошо продуманную денежную реформу и был плотно контролируем «хозяевами денег». Во втором потому, что Россия была полностью самодостаточной страной, имеющей все необходимые ресурсы, промышленный и технологический потенциал, способный обеспечить развитие в любых условиях.

Долларовая реформа достигла своих целей. В США произошла зачистка молодой, рвущейся к власти «цифровой» элиты. Из-за того, что для оборота новой криптовалюты не нужны были учреждения-посредники, спекулятивная финансовая система, основанная на банках-фондах-биржах, была уничтожена. Ее место заняла компактная сеть государственных эмиссионных центров криптодоллара, напрямую распределявших его по криптокошелькам пользователей.

Потеряв старый доллар, США утратили большую часть своего международного влияния и сфокусировались на восстановлении пострадавшей от реформы экономики. Впрочем, на глобальном уровне этого никто не заметил, потому что в условиях жесточайшего кризиса, вызванного обнулением долларовых счетов, все государства были озабочены нарастающими внутренними проблемами.

Поскольку большинство развитых стран отчаянно боролись за выживание, все доступные ресурсы были брошены на экономику и сохранение контроля над населением. Из-за этого военные бюджеты были сведены к необходимому для обороны минимуму. Чтобы сохранить фокус на восстановлении экономик, ведущие государства подписали соглашение о сокращении вначале ядерных, а затем и обычных вооружений. Через некоторое время за ним последовал договор о коллективной безопасности, который, основываясь на успешной практике, позднее был несколько раз расширен.

Таким образом к 2030 году риск мировой войны значительно снизился.

Долларовая реформа и последовавшие за ней экономическая катастрофа и переформатирование международных отношений были не единственным приоритетом для «хозяев денег». Все это время они плотно держали на контроле исследования по изменению климата. Здесь на короткое время появилась надежда, что циклическое снижение солнечной активности может компенсировать потепление, но более поздние прогнозы показали, что активность светила стабилизовалась на уровне, не способном затормозить нагревание атмосферы.

В двадцатых годах появились первые секретные детальные модели по изменению климатических зон, которые отражали вероятные последствия потепления. Первое впечатление от них было удручающим. Прогнозы подтверждали, что, даже если удастся остановить всю экономическую активность на планете, к 2030 году температура все равно превысит пороговое значение в 1,5 градуса. Процессы потепления станут необратимыми. Погода будет более экстремальной. Учащаются ураганы, засухи, ливни, морозы. Возрастет их сила и интенсивность. К этому времени почти четверть человечества окажется без устойчивого доступа к еде и чистой воде. Но настоящая климатическая катастрофа начнется в середине столетия. Природные катаклизмы станут перманентными. Таяние ледового покрова вызовет подъем уровня океана. Начнется затопление обширных территорий. Более миллиарда человек, проживающих в прибрежных зонах по всему миру, придет в движение в поисках пригодных для жизни районов. Из-за сокращения сельскохозяйственных земель и истощения водных ресурсов везде, кроме стран развитого севера, будут царить голод, жажда, эпидемии, войны за ресурсы и территорию.

По прогнозам, предоставленным «хозяевам денег», получалось, что Штаты выгорят почти полностью. Летние температуры в центре и на западе будут достигать отметки в +50 градусов по Цельсию, а на Восточном побережье – +35-40. Частота ураганов и торнадо увеличится в 3-4 раза, а их сила будет приближаться к максимальным отметкам. Большая часть Канады, весь ее север и центр, уйдет под воду или превратится в болото из-за подъема уровня океана и таяния вечной мерзлоты. Летом там будет +25-30, ливни, ураганы, а зимой – до -40 и постоянные снежные бури.

Средняя температура летом на юге Европы составит +40-45 градусов, осадки – меньше 100 мм в год. По сравнению с нормой в 500-800 мм на начало века такое снижение превратит все Средиземноморье в пустыню. Севернее широты Берлина температура чуть ниже +40, осадки минимальны, ураганный ветер, летом – сушь, зимой – мороз и снегопады. И так практически до Балтики, где температура летом будет +30-35. Осадков там будет больше за счет ливней из-за близости к северным морям, но постоянный ураганный ветер. Его средняя скорость составит 20-30 метров в секунду, при ураганах выше 40. По всей береговой линии Атлантики прогнозируются затопления низменностей из-за подъема уровня океана, вызванного таянием ледниковых шапок Арктики и Антарктики.

Африка, Центральная Америка, весь тропический пояс на широте экватора будут забирать большую часть находящейся в атмосфере влаги. Поэтому там будет, как в бане: запредельная влажность, не прекращающиеся тропические ливни зимой и засуха с температурами под +50 летом. Тропические леса исчезнут. На их месте возникнет новая экосистема, способная выживать в таких экстремальных условиях.

Пустынные территории Азии превратятся в выжженную землю летом со значительными суточными перепадами температуры зимой. Температура в районе Персидского залива и восточной Сахары летом будет достигать +60. Это сделает невозможной жизнь в цветущих городах Эмиратов, Саудовской Аравии и других нефтяных королевств. Иерусалим, Багдад, Тегеран, Дамаск, Каир, все южное Средиземноморье прогреются до +50. В Индии на юге – тропическая жара и непрекращающиеся ливни, на севере – сушь и нестерпимая жара. Только высокогорья Гималаев будут относительно пригодны для жизни, там из-за обвального таяния ледников будет достаточно пресной воды, но экстремальные погодные проявления не дадут возможности вести устойчивое сельское хозяйство, способное поддержать значительное количество населения. В Китае на юге – влажность с температурами до +40 и непрекращающимися тропическими ливнями, в центре и на севере – пустыня. По всему густонаселенному Восточному побережью – экстремальные ураганы.

В обширной зоне субтропиков и средней полосе ученые прогнозировали подъем температуры на 15-20 градусов. Зима везде будет более короткая, но жесткая. В Европе на юге около нуля, –15-20 в центре, на севере до –30. Везде аномальные осадки в виде снега и ветер ураганной силы. Модели также выдавали значительную вероятность ультраполярных вторжений, при которых температура будет опускаться значительно ниже –30. Все это из-за замедления Гольфстрима и Североатлантического течения, происходящего в результате опреснения воды в северной Атлантике из-за таяния льдов в Арктике и Гренландии.

В Америке зимой прогнозировалась похожая с Европой ситуация. В центре и на западе –30-35, на востоке –15-20, снежные бури, ветер ураганной силы.

Центр и север Китая зимой ожидали морозы в –15-20, юг и восток – до –10-15, везде ураганы, снег. Из-за экстремальной жары летом и холода зимой, а главное, из-за постоянных ураганов весь обширный субтропический пояс и большая часть средней полосы страны станет практически непригодной для комфортного обитания и ведения сельскохозяйственной деятельности.

Повышению уровня океана из-за глобального потепления в докладе ученых было уделено особое внимание. Их модели показывали подъем уровня воды в 35-50 сантиметров уже к 2050 году. Это означало, что в зоне подтопления по всему миру окажутся до четырехсот миллионов человек и десятки крупных городских агломераций. Необратимые процессы выброса парниковых газов к концу века разгонят потепление до 4,5-5,0 градусов. Это усилит таяние ледников и прогрев мирового океана и поднимет его уровень до полутора, а по пессимистическим прогнозам, до двух метров. При таком уровне под водой окажутся обширные прибрежные зоны с населением почти в полтора миллиарда человек. Под воду уйдут Нью-Йорк, Лондон, Шанхай и еще сотни городов, расположенных на побережьях. Огромные низинные участки суши на всех

континентах будут подтоплены. Почти полутора миллиардам человек придется искать новое место для жизни. Материальные потери при этом превысят сотню триллионов долларов.

Все эти апокалипсические сценарии накладывались на растущее население планеты. Оказалось, что экосистема Земли может комфортно выдержать только 4,0-4,5 миллиарда человек. Даже незначительное превышение этого порога приводит к ее истощению. Согласно последним подсчетам при населении на 2020 год в 7,6 миллиардов человечество выбирало лимит возобновляемых ресурсов планеты к августу. Оставшиеся пять месяцев использовало то, что природа восстановить была уже не в состоянии. Модели показывали, что глобальное потепление окажет регулирующее воздействие на рост населения. С 2030 года из-за голода, нехватки воды и болезней рост человечества приостановится, а затем начнется его плавное сокращение на 3-4% в год, и этот процесс со временем будет нарастать.

Вызванная изменением климата смертельная комбинация негативных факторов к 2050 году остановит рост населения и запустит его сокращение до 5,5-6,0 миллиардов к концу века. Учитывая обвальную деградацию экосистем из-за потепления, планета к тому времени сможет прокормить только около миллиарда человек.

Как к 2050 году решить проблему с избыточным населением, «хозяева денег» не знали и вывели ее в отдельный проект.

На фоне удручающих данных, предоставленных учеными, были и искорки надежды. Экстремальная погода и изменение климатических поясов, вызванные потеплением, оставят в мире несколько регионов, пригодных для развития и относительно комфортного обитания. Здесь «хозяева денег» вышли на то, что впоследствии стало называться Территорией. Оказалось, что к концу века обширные пространства нагорий в Восточной Сибири окажутся самым благоприятным местом для жизни, если слово «благоприятный» вообще применимо к климатической катастрофе.

Среднесибирское плоскогорье – огромная часть Российской Федерации, соизмеримая с Западной Европой. Эта территория, ограниченная с запада и востока могучими сибирскими реками Енисеем и Леной и простирающаяся от 60 параллели на север через полярный круг вплоть до Северного Ледовитого океана, оказалась, пожалуй, единственным местом на планете, где можно будет выстроить значимое по масштабам государственное образование, способное выстоять в глобальном катаклизме. Ключевое слово здесь значимое. То есть достаточно крупное, обладающее ресурсной самодостаточностью, развитой инфраструктурой, технологическим и людским потенциалом, чтобы не только выжить, но и развиваться в период климатической катастрофы, обеспечив прогресс человеческой цивилизации до того момента, пока технологии не позволят взять ее под контроль.

На планете останется немало и других районов, где сохранится возможность вести экономическую деятельность. Предгорья крупных горных массивов и находящиеся выше прогнозируемого подъема уровня океана плато смогут долгое время обеспечивать людей едой и водой, пока не станут ледники. Скорее всего, на них могут возникнуть и некоторое время существовать квазигосударственные образования. Возможно, некоторые из них даже будут преуспевать. Но ни одно не сможет развиваться в полноценное мощное государство со всеми его атрибутами. По прогнозам ученых, в конце XXI века только Территория будет максимально для этого приспособлена по размерам, расположению, рельефу, доступу к ресурсам и климату, которой там должен установиться, когда потепление достигнет своего пика.

В начале века большая часть Среднесибирского плоскогорья представляла собой непригодные холодные гористые пространства без людей, в основном покрытые тайгой, переходящей к северу в лесотундру и тундру. Но с потеплением ситуация должна была измениться. Климатические пояса сдвинутся на север. Там, где была тайга, раскинется лесостепь. Хвойные леса займут место тундры. На прилегающих к океану равнинах, где раньше была тундра, веч-

ная мерзлота оттаает на глубину до нескольких метров, превратив низменности в сочащиеся метаном болота.

Погода, конечно, будет не подарок. Летом до 30 градусов жары и сушь. Зимой морозы, пронзительные полярные ветры и обильные снегопады. Но модели ученых показывали, что эти явления не будут иметь такой экстремальный, разрушительный характер, как в остальных районах планеты, и могут быть успешно компенсированы при соответствующей организации инфраструктуры.

Причиной такой относительно благоприятной погоды является расположение Территории в глубине континента и гористый рельеф, при котором наиболее пригодные для жизни пространства с севера и востока защищены невысокими горными хребтами, способными остановить или значительно ослабить идущие с океанов фронты и избавить жителей от самого страшного после засух явления – ураганов. В общем, ученые с достаточной степенью уверенности и оптимизма предполагали, что Среднесибирское плоскогорье к концу века будет вполне пригодным не только для жизни, но и для ведения интенсивной хозяйственной деятельности.

Изучив доклад, «хозяева денег» отдали его на доработку с тем, чтобы выяснить, где еще на планете будут схожие условия. Их пугал сам факт того, что Территория находится в далекой, незнакомой, а главное, русской и поэтому враждебной Сибири. Особенно их интересовало, как будут обстоять дела в Северной Америке.

Климатические модели были уже готовы, а большая часть работы проведена, поэтому ответ не заставил себя ждать, но он был не очень обнадеживающим.

Большая часть Северной Америки расположена между Северным тропиком и 60-й параллелью. Климатическая катастрофа сдвинет условно-комфортную для жизни климатическую зону далеко на север, к Полярному кругу. Поэтому к концу века большая часть США высохнет и превратится в пустыни или полупустыни. Пригодными останутся лишь несколько небольших защищенных хребтами долин в северной части Западного побережья. Зажатые между тянущимися вдоль океана горными цепями Британской Колумбии, они предоставят укрытие от ураганов, однако прогноз по водным ресурсам для них был весьма пессимистичным.

В потенциально пригодной природной зоне, схожей с Территорией, на континенте находились только Аляска и север Канады. Но модели показывали, что первая, из-за того, что зажата между двумя океанами, будет зоной разрушительных ураганов, а вторая из-за таяния мерзлоты и подъема уровня океана превратится в болото. Оба фактора не позволяли учитывать эти два региона в планировании.

Похожая ситуация была и с небольшим районом Анд на самом юге Чили.

Африка, Азия и Австралия выпадали целыми континентами, потому что большая их часть находилась на экваторе между Северным и Южным тропиками в зоне максимально экстремальных погодных проявлений.

Получалось, что, даже при более тщательном изучении вариантов, Среднесибирское плоскогорье оставалось единственным местом, которое можно было рассматривать серьезно. И тут возникала основная проблема. Территория являлась частью России – страны, отношения с которой США загнали на самое дно, переведя ее во время украинской военной операции из положения геополитического соперника в статус врага. Здесь, правда, играло на руку то, что после денежной реформы Америка негласно отказалась от роли мирового гегемона и сосредоточилась на обустройстве собственной экономики. Это немного ослабило напряжение, но доверие между двумя странами оставалось на максимально низком уровне, поэтому рассчитывать на его быстрое восстановление не приходилось. Особенно в таком щекотливом вопросе, как доступ к региону, который будет самым благоприятным местом на планете во время климатической катастрофы. Поэтому «хозяева денег» решили действовать не от лица США, а как группа частных инвесторов.

Чтобы в полной мере заручиться доверием Москвы, им пришлось раскрыть тщательно засекреченную информацию и о глобальном потеплении, и о Среднесибирском плоскогорье. В качестве первого жеста доброй воли России был предложен начальный безусловный транш на развитие Территории в несколько десятков тонн золота и доступ к санкционному американским технологиям через третьи страны и сложные схемы, подконтрольные «хозяевам денег». После этого совместно был разработан план ее освоения и подготовки к климатической катастрофе, который лег в основу инвестиционного проекта, получившего многообещающее название «Эдем».

Его участники понимали, что рано или поздно правда о глобальном потеплении выйдет в широкий доступ, как и информация о том, что Среднесибирское плоскогорье будет единственной значимой, пригодной для жизни территорией. Поэтому была подготовлена программа по тайному привлечению в «Эдем» ведущих индустриальных государств и крупных частных инвесторов. Однако ее пришлось отложить из-за возникшего объективного и, на первый взгляд, непреодолимого препятствия.

По расчетам ученых, при наличии соответствующей инфраструктуры Территория могла относительно комфортно принять и разместить до пятисот миллионов человек. При этом вставал вопрос: что будет с остальными 8 миллиардами. Было бы глупо предполагать, что находящиеся под давлением глобального потепления люди добровольно обрекут себя на голод, жажду, прочие лишения и даже смерть, зная, что где-то есть земля, пригодная для жизни. Наверняка они попытаются туда попасть. Это будет означать, что сотни миллионов мигрантов, особенно из находящихся к югу азиатских стран с огромным населением, хлынут на север в поисках спасения. Что с ними тогда делать? Выстраивать дорогостоящий барьер? Держать на юге огромную армию? И то и другое предполагало вольное или невольное участие в гибели мигрантов, а это могло привести к военному конфликту с их странами. К тому же русские повели себя в этом вопросе как наивные моралисты, заявив, что на пике потепления будут принимать всех, кто доберется до границ Территории.

Наиболее эффективным решением проблемы было бы постепенное снижение миграционного потока или вообще сведение его к нулю. Климатические изменения, дефицит воды, еды и ресурсов должны привести к сокращению населения планеты, но не настолько, чтобы обезопасить Территорию от сотен миллионов потенциальных мигрантов. Поэтому «хозяева денег» в тайне от России приняли решение о запуске глобального проекта по депопуляции. Для этого был использован модифицированный коронавирус, вызвавший в 20-м году пандемию. Сам вирус был не опаснее обычного ОРВИ, но в секретных лабораториях в его РНК были внесены изменения, позволявшие их фрагментам встраиваться в цепочки генов человека, отвечающих за репродуктивную функцию, и вызывать ее подавление. Эти генные конструкции передавались по наследству, в следующем поколении с высокой вероятностью вызывая бесплодие. Вакцинация от этого вируса была избирательной и проводилась лишь в странах-участницах «Эдема» по тщательно отобранному списку тех, кто в перспективе мог стать гражданином в Территории.

По расчетам ученых, такое искусственное регулирование человеческой популяции, наложенное на снижение рождаемости в развитых странах из-за использования пластика, консервантов и других опасных химикатов, должно было дать максимальный эффект через поколение. Позже выяснилось, что эти прогнозы вполне оправдались. К 2060 году население планеты сократилось до 2 миллиардов. Причем основное падение произошло в перенаселенных странах Азии и Африки.

Еще одной серьезной проблемой Территории стало определение ее административного статуса. Поскольку Среднесибирское плоскогорье являлось частью России, Москва настаивала на применении там своей юрисдикции. Несмотря на все уговоры и заверения партнеров по «Эдему», ее позиция в этом вопросе была жесткой и бескомпромиссной. Максимум, на

что согласились русские, это создание автономных секторов, где будут проживать выходцы из одной страны. Строительство таких мегаполисов должно было финансироваться национальными государствами. Остальным предлагалось жить в контролируемых из столицы интернациональных агломерациях, разбитых на секторы, подсекторы и кластеры.

В национальных секторах предполагалась определенная автономия организации общественной жизни с сохранением культурной идентичности. Они имели право создавать свои органы управления и собственную полицию. Но ключевая инфраструктура, в особенности подача энергии и распределение ресурсов, была завязана на руководство Территории, находившееся под контролем русских и располагавшееся в столице.

Индустриальные, энергетические, исследовательские и перерабатывающие центры были выделены в расположенные рядом с жилыми городами кластеры центрального подчинения, работавшие по единому плану. В основном органе управления Территорией – Высшем Совете – большинство тоже было у русских. Вооруженные силы и служба безопасности находились под их полным контролем и были сформированы в основном из граждан РФ. Получалось, что Новая Москва, столица Территории, имела полный контроль над ключевой инфраструктурой, промышленностью и безопасностью.

Почти тотальная монополия русских на власть и силу серьезно напрягала западные страны, но деваться им было некуда, и, после того как на такую архитектуру согласились Индия, Китай и еще несколько стран, Европа и США присоединились к их числу.

Тем временем развитие Территории шло согласно плану. Первым этапом проекта было создание инфраструктуры. Для этого нужно было построить сеть железных дорог, больше десятка блоков атомных электростанций и начать подготовку к жилой и промышленной застройке трех основных мегасекторов. Сектор Альфа располагался западнее Лены на Центральноякутской равнине и предгорьях Вилюйского плато. Сектор Бета находился севернее и занимал обширное, покрытое низкими сопками пространство вдоль реки Лены между Вилюйским и Анабарским плато. Сектор Дельта размещался на западе Территории и тянулся по правому берегу Енисея от Норильска до реки Подкаменная Тунгуска. В структуре этих крупных регионов планировалось еще два десятка национальных секторов и подсекторов, располагавшихся в защищенных от ветров долинах рек.

Прежде чем начинать строить жилые и промышленные города и кластеры, надо было соединить локации железными и автомобильными дорогами, проложить от атомных станций высоковольтные магистрали, построить аэропорты. Масштабы освоения были впечатляющими, но осознавшие неизбежность и разрушительность климатической катастрофы правительства не жалели для Территории ни средств, ни технологий. Поэтому основная подготовительная работа была закончена к 2055 году.

Во время подготовки и строительства «Эдема» мировые лидеры надеялись на чудо, на некие процессы, способные предотвратить изменение климата. Однако приближение катастрофы остановить было уже невозможно. Ни предсказанного снижения солнечной активности, ни обещанного минимума Маундера³ не произошло. А технологии изъятия парниковых газов из атмосферы не могли компенсировать и малой доли их годового прироста. Планета продолжала нагреваться и в 2032 году перешагнула пороговый предел подъема температуры в 1,5 градуса.

Дальнейшие события стали развиваться по самому пессимистичному сценарию. Ускорилось таяние полярных ледниковых шапок. На обширных северных территориях России и Канады вскрылась вечная мерзлота, высвобождая в атмосферу огромные количества связанного в ней метана, который по своим парниковым качествам в разы превосходил углекислый газ. Начались изменения температурных, химических и биологических параметров океана.

---

³ Условный минимум солнечной активности, способный вызвать краткосрочное (100–300 лет) похолодание.

Основным из них оказалось его закисление, которое резко снизило уровень кислорода в воде и вызвало массовое сокращение фитопланктона – одного из ключевых элементов экосистемы, связывающей углекислый газ. Вызванные потеплением засухи и сопутствующие им пожары год за годом сокращали площади тропических и хвойных лесов – второго по важности элемента изъятия углекислого газа из атмосферы.

В Северном полушарии к 2045 году эти изменения привели к резкому сдвигу природных зон на север в основном за счет расширения пустынь и полупустынь. Средиземноморье почти полностью высохло. Некогда цветущие города Греции, Франции, Испании, Италии постепенно приходили в упадок. Значительная часть сохранившегося после пандемий и генетических манипуляций населения из этих регионов двинулась в центр и на север Европы, где еще можно было жить. Такое перемещение людей до предела обострило противоречия между странами. Германия, Франция и Скандинавия ввели квоты на мигрантов, что чуть было не привело в военному конфликту. ЕС и НАТО распались после долларовой реформы, поэтому модератором в этом споре выступила Россия. Вернее, проект «Эдем», который предложил программу переселения части европейцев в Территорию.

Но самая большая трагедия развернулась южнее. Из-за аномально высоких температур, достигающих летом 60-70 градусов, нормальная жизнь в северной Африке, на Аравийском полуострове, в Турции, Иране, Ираке, Пакистане стала практически невозможной. В этих странах население тоже значительно сократилось, но все же около 200 миллионов беженцев пошли на север, в Европу. На этом у погрязших во внутренних разборках европейцев окончательно закончились и толерантность, и общечеловечность. Они перестали церемониться с чужаками, выставили на границе войска и не стеснялись применять оружие против тех, кто пытался ее пересечь.

В Штатах ситуация была немного легче. Правительство организовано перемещало людей из высохшего юга, центра и зон подтопления на побережьях в заранее подготовленные районы отселения на севере.

Из-за перераспределения влаги в атмосфере Индия и Китай оказались в зоне постоянных тропических дождей. При летних температурах, достигающих до +50 градусов, постоянных ураганных ветрах и аномально высокой влажности нормальная жизнь в этих регионах вне специальных помещений стала практически невозможной.

В это время в России зона степей сместилась к Москве. Южнее Липецка уже начинались полупустыни, тянувшиеся по югу вплоть до Екатеринбурга и дальше к Байкалу и Охотскому морю. Часть населения из высохших земель была эвакуирована в Территорию, часть – в пока еще пригодные для жизни северные районы, где предварительно было построено жилье и производства.

Огромной проблемой стали ураганы. Из-за нарушения температурного баланса в атмосфере и прогрева океана они один за одним рождались в экваториальной части Тихого и Атлантического океанов и неумолимо двигались на запад, набирая силу и мощь до высшей пятой категории. Встречались и настоящие монстры, для которых была введена еще одна категория «Х». Их удары по континентальной части США и Азии имели сокрушительную силу. Скорость ветра часто превышала 350 километров в час, не оставляя шансов зданиям и инфраструктуре. В это время на континентальной части Евразии приходили в движение огромных размеров циклонические поля. Не зная границ, они хаотично перемещались по континенту и, сталкиваясь, создавали разрушительной силы фронты, рождающие ураганные ветры и десятки, а иногда и сотни мощных торнадо, которые буквально сметали все на своем пути.

Такое безумие, почти не переставая, продолжалось восемь месяцев в году, оставляя измученным людям совсем немного времени, чтобы подлатать то, что еще можно было восстановить, и подготовиться к следующему сезону.

Не оправдались консервативные прогнозы по повышению уровня океана. Предыдущие модели IPCC⁴, скорректированные в нижнюю сторону, чтобы не пугать население, показывали его на уровне приемлемых 35-65 сантиметров к 2100 году. Но этот порог был достигнут к 2060 году. Реальную ситуацию с потеплением скрывать было уже невозможно. Суровая правда о том, что нагрев атмосферы к концу века достигнет 5 градусов, вышла в открытый доступ. Такой сценарий означал, что полярные шапки тают на две трети и максимальный уровень океана может подняться на 20-30 метров, затопив густонаселенные прибрежные территории с огромными мегаполисами и пойменные низменности крупных рек.

Кроме Территории, остатки человечества ютились в десятке анклавов по всему миру и боролись там за выживание, постепенно проигрывая битву из-за невозможности накопить и удержать технологический и ресурсный потенциал для поддержания сообществ в устойчивом состоянии. С тремя обитаемыми зонами: Скандинавией, Аляской и полностью освободившейся ото льда Гренландией – Территория поддерживала отношения, снабжая продовольствием, лекарствами и технологиями.

Из этих трех островков жизни наиболее комфортно чувствовала себя Скандинавия, собравшая у себя около пятидесяти миллионов западных европейцев. Это был норвежский проект, похожий на «Эдем», инфраструктура которого начала активно строиться с 2035 года, когда стало ясно, что климатической катастрофы не избежать. Проблема этого региона была в том, что он находился в непосредственной близости к центру климатической активности, расположенному в северной Атлантике. Потому погода там носила ярко выраженный экстремальный характер. Но скандинавам все же удалось создать в горных долинах обширную защищенную инфраструктуру, способную противостоять постоянным ураганам ветрам.

Помимо неослабевающего враждебного давления погоды, у всех трех анклавов была общая проблема – энергия. Поддержание жизни в экстремальном климате требовало колоссальной энергии, главным источником которой являлись атомные электростанции. Территория, обладавшая залежами радиоактивных материалов и заводами для их обогащения, была основным поставщиком ядерного топлива. К тому же в Скандинавии и Гренландии возведением атомных реакторов занимались русские, которые теперь обеспечивали их обслуживание.

В 2060 году настоящая климатическая катастрофа еще только набирала силу, а ущерб от нее уже не поддавался оценке. Экономическая деятельность в развитых странах была направлена исключительно на выживание, ни о каком развитии и росте речи не шло. Бедные страны были предоставлены сами себе и обречены на постепенное вымирание от голода, жажды и болезней. Уже к 40-му году многие правительства запустили экстренные программы подготовки к потеплению, но никто не ожидал, что его последствия будут настолько драматичными.

Однако это было только начало глобального климатического катаклизма. К 2080 году он проявил себя в полную силу, превзойдя самые пессимистичные сценарии. Из-за катастрофических погодных явлений 85% суши стали непригодными для масштабной хозяйственной деятельности. По оценкам ученых Территории, население планеты к этому времени уменьшилось до 650 миллионов человек.

2095 год. Территория. Сектор Альфа. Новая Москва

Лекс, он же Алексей Радин, получил свое имя в честь деда Алексея Радиного, вокруг которого в семейном кругу ходила куча легенд. Наиболее интересные из них отец в компании двух своих братьев рассказывал по семейным праздникам после ужина, сопровождавшегося обильным употреблением алкоголя.

Вообще, алкоголь на Территории не приветствовался. Не то чтобы он был запрещен. Слабоалкогольные напитки вроде пива, вина и синтетических коктейлей были очень даже в ходу. Просто у нового, выросшего при катастрофе поколения были другие, в основном виртуальные,

---

⁴ Intergovernmental Panel on Climate Change – Межправительственная группа по изменению климата.

развлечения. Но папик, хоть и согласился вшить нейрочип (без этого гражданство Территории получить было нельзя), все же избегал большей части предоставляемых им возможностей в плане получения удовольствий методом нейростимулирования мозговых центров.

Так вот. Хлебнув контрабандного самогона, поставки которого были налажены с южного приграничья, где местные селяне гнали его почти в промышленных масштабах из полевых и болотных ягод, отец с дядюшками любили пересказывать увлекательную шпионскую историю про деда. Якобы тот в начале века был мощным хакером, который раскрутил американский замес с новой валютой, вылившийся позже в глобальную экономическую катастрофу и переформатирование мира. А еще он помог тогдашней службе безопасности России выйти на группу американских же олигархов, которые реально рулили в Вашингтоне. А те, предчувствуя климатическую катастрофу, предложили Кремлю концепцию Территории. Получалось, что жители «Эдема» теперь обязаны своим благополучием его деду-хакеру из 20-х годов⁵.

Лекс слушал эти байки с понимающей улыбкой, потягивая пиво и наблюдая, как старики понемногу хмелеют, добавляя каждый раз к истории все новые и новые, порой самые неожиданные детали.

Деда он не застал. А жаль. Очень хотелось услышать всю эту сагу из первых уст.

Обычно такие разговоры заканчивались тостом за то, чтобы внук не опозорил имя деда и так же круто послужил Родине, как его легендарный предок. Лекс-младший не очень понимал, как он на своей позиции генетика может сравниться со своим крутым дедом, успешно пережившим опасный шпионский замес двух разведок, но согласно кивал, давая понять, что если предоставится случай, то он уж точно не подведет.

В зависимости от количества выпитого старшие реагировали на его кивки по-разному: от безразличного «Эх. Не та нынче молодежь. Обкололись чипами. Из виртуала не вылезают. Нет, чтоб в Пустоши в экспедицию сгонять» до «Ты мне тут еще покивай. Лыбится он. Вот загребу тебя в погранохрану. Там у меня попляшешь». На этом месте обычно подключались женщины с тортиком и разговор плавно перетекал на другие темы.

Почему старики наезжали именно на него, Лекс не знал. Обычно за столом сидели еще пара внуков и внучка. Девчушка так вообще была огонь. В свои 25 уже закончила военное училище и служила в Вооруженных Силах Территории. Он списывал такое повышенное внимание к своей персоне на то, что был тезкой деда, и ничуть не напрягался по поводу пьяных наездов отца и дядюшек. Наутро все проспятся, позавтракают и разъедутся из арендованных на пару суток «праздничных апартаментов» общего пользования по своим компактным квартиркам, составленным из стандартных двенадцатиметровых индивидуальных блоков.

Отец жил на самом юге сектора в Космическом городке, обслуживавшем космодром, стоящий в пустыне в трехстах километрах южнее столицы. Он был начальником смены инженеров, которые работали на пусковых площадках вахтовым методом. Старты были делом нечастым – 3-4 раза в год в основном для доставки на орбиту спутников метеослужбы и зондирования поверхности. Но на космодроме постоянно присутствовали несколько тысяч персонала и охраны, чтобы поддерживать его в готовности и отгонять кочевников.

Один из дядюшек был начальником охраны участка границы. Вторым занимал административную должность в промышленном кластере. Женщины тоже были при деле, каждая на своем месте работала на процветание Территории.

В общем, семью Лекса, даже в обществе относительно равного распределения благ, каким была Территория, можно было отнести к обеспеченным. Такое положение давало ему неплохие шансы на получение разрешения на брак и возможность завести детей. Оба процесса были под жестким контролем властей, чтобы избежать бесконтрольного роста населения и связанных с этим проблем.

---

⁵ События описаны в романе *Крипта* Эдгара Гранта.

Рабочей силы для поддержания нормальной жизни Территории надо было немного. На производствах основную часть операций делали роботы. Из отраслей, где в большом количестве были заняты люди, оставались лишь строительство и обслуживание постоянно находящихся под давлением погоды зданий и инфраструктуры, силовые структуры да многочисленные научные и технологические центры, где сотни тысяч ученых работали над перспективными исследованиями.

В одном из таких центров, расположенном в научном кластере столичного сектора Альфа под Новой Москвой, работал и Лекс. В свои тридцать с небольшим он уже был доктором наук и руководил лабораторией генетики, которая изучала влияние изменений климата на геном человека. Направление вел немецкий профессор Рихард Швабе. Под его началом было три лаборатории и исследовательский центр прикладной генетики, где на искусственно выращенных тканях тестировались различные агрессивные природные факторы, ставшие нормой жизни после климатической катастрофы.

Работа Лексу нравилась. Дела лаборатории шли неплохо, коллеги его уважали, социальный рейтинг рос, обеспечивая доступ к верхнему уровню пирамиды потребления Территории. Он мог позволить себе натуральные свежие мясо, рыбу или овощи несколько раз в неделю, а также свободу передвижения внутри сектора с выходом в зоны дикой природы.

Вот и сейчас после череды январских праздников они с подругой собрали небольшой пикничок, отъехали на поезде подальше от кластера, сошли на полустанке у подножья живописной заснеженной сопки. Укутавшись поплотнее в подогреваемые изнутри термоэлементами полярные комбинезоны, парочка направилась к площадке для пикников, куда туристы уже протоптали довольно широкую дорожку. Погода была на редкость спокойной. Над большей частью Сибири уже несколько суток висел арктический блокирующий антициклон. Во время коротких январских дней стояла ясная солнечная погода, а по ночам небо светилось алмазной россыпью звезд. Такие периоды затишья, когда Территорию накрывала статичная область высокого давления, случались довольно редко, несколько раз за зиму. В такую пору люди в свободное время стремились выбраться из городов на природу, чтобы подышать свежим воздухом и хоть на пару часов сменить обстановку.

Площадка для пикников была предусмотрительно расчищена обслугой. Несколько столиков были уже заняты отдыхающими. Лекс с подругой помахали им рукой в знак приветствия и пристроились на скамейке с краю у обрыва. Оттуда открывался живописный вид на научный кластер и дальше на высотки Новой Москвы, чуть подернутые морозной дымкой, в которой медленно, отражая гранями лучи скупого зимнего солнца, оседали кристаллики изморози.

Научный кластер, в котором располагалась лаборатория Лекса, состоял из двух десятков кубических зданий, расположенных в шахматном порядке в долине реки Марха. Кубы были выполнены из монолитного бетона, имели размеры двести на двести метров и двадцать этажей в высоту. Наружная поверхность была полностью остеклена тонированными полупрозрачными панелями, которые в светлое время суток работали как солнечные батареи. Из-за такого оформления здания смотрелись как дикий кристаллы, аккуратно расставленные великаном вдоль небольшой, покрытой льдом горной речушки.

Каждое строение было полностью автономно, за исключением электричества, которое подводилось от одной из двух атомных станций, питавших Сектор Альфа. Внутри располагались лаборатории, аудитории, научные центры, испытательные площадки и вся прочая инфраструктура, необходимая для того, чтобы ученые даже в такое нелегкое для человечества время двигали науку вперед. Здания были соединены стеклянными трубами переходов, по которым эскалаторы доставляли желающих в любую точку кластера. Тоннели для грузового транспорта располагались под землей и сходились на железнодорожном терминале, куда прибывало габаритное оборудование, рабочие смены и всякие полезные грузы.

Внутри куб представлял собой конструкцию из монолитных железобетонных балок и перекрытий, которую можно было распланировать в зависимости от конкретных потребностей. Единственной общей чертой каждого здания было то, что верхний этаж занимал просторный светлый зимний сад с фонтанами, прудами, экзотическими птичками, зонами отдыха и спортивными площадками.

В общем, для ученых была создана самая комфортная среда и Лекс был рад, что ему посчастливилось работать именно здесь, а не в одной из полевых лабораторий, разбросанных по дальним долинам сектора.

Страхнув со скамейки изморозь, молодые люди достали из рюкзака термкружки с подогревом и долго сидели, неторопливо потягивая горячий шоколад, молча глядя на раскинувшуюся внизу долину.

– Минус двадцать три, – сказал Лекс, считав информация со своего нейрочипа.

– Ага, – кивнула Татьяна. – Хорошо, что ветра нет, а то пришлось бы опускать щитки капюшона, а шоколад цедить через трубочку.

– Красиво, – он откинулся на спинку скамейки и притянул подругу к себе.

– Красиво, – согласилась девушка и прижалась к его плечу. – Я была со своими студентами в музее Территории. Видела фотографии этого места полувековой давности. Здесь лесотундра была. Олени, зверушки всякие. Потом, когда подтаяла мерзлота, все сожгли пожары. А теперь, когда все подсохло, сосняк вырос, осины с березками. Осенью тут красиво. Только ветер сильный.

– Я разговаривал с приятелем из Климат-контроля⁶. Они вроде вплотную подошли к созданию эффективного метода изъятия парниковых газов из атмосферы. Биологи вывели особую форму цианобактерий⁷, способных жить при дефиците воды вроде как даже в болотах и вообще на влажной почве. Так вот у них ускоренный фотосинтез. Они забирают углекислый газ из атмосферы, а отдают кислород в десятки раз быстрее, чем их обычные сородичи. Правда, это приводит к лавинообразному размножению. Но биологи говорят, что их можно использовать как биомассу для откорма на фермах. Так что все на пользу.

– И какие прогнозы? – Татьяна сделала глоток горячего шоколада и выдохнула облачко пара, которое медленно растворилось в морозном воздухе.

– Модели говорят, что, если так же будет решена проблема с метаном в атмосфере, понадобится лет сто пятьдесят, чтобы вернуть все к положению на начало века.

– Блин. Долго. Интересно, удастся ли восстановить заброшенные города? Вот бы на старую Москву посмотреть.

– Туда нормальным людям не попасть. Но мой дядюшка был там. Он важный пограничник⁸. Начальник участка. Так вот по молодости он туда летал на дежурство. Там тысяч десять гражданских сквотеров⁹ осталось по окраинам и около тысячи военных в самом центре. Кремль охраняют. Туда добра всякого свезли кучу со всей России. Исторические ценности, артефакты разные из прошлого. Наследие нации.

– Если охраняют, значит есть надежда на то, что жизнь туда вернется.

– Что-то я слабо в это верю, – вздохнул Лекс. – Думаю, этот мрак будет длиться столетиями. У нас двести лет ушло, чтобы разрушить планету. Теперь, чтобы восстановить ее, понадобится столько же.

---

⁶ Служба контроля климата Территории – орган, отвечающий за прогнозирование метеоусловий и планирование мер по минимизации ущерба.

⁷ Они же сине-зеленые водоросли – одноклеточные нитчатые колониальные микроорганизмы. Нижнее звено, участвующее в фотосинтезе.

⁸ Пограничник.

⁹ Незаконные поселенцы.

– Может, бактерии сработают, – без особой надежды в голосе проговорила Татьяна. – Хотелось бы, чтобы если не мы, так хоть наши дети пожили, как предки. Чтоб по лесам можно было походить, в море покупаться, попутешествовать. Я часто смотрю старые программы про разные страны, про города, про природу, что была на планете, про туризм. Раньше много было туристов. Люди часто ходили в походы, в лес, в горы, в разные интересные места. И сюда тоже, хотя полвека назад климат здесь был суровый даже летом. Вон и надпись выбили на камне, – она показала варежкой на огромный, лежащий рядом на краю площадки валун. На его замшелом боку была выбита каким-то инструментом надпись: «ГРЭ-3. 1956 г.».

– Это не туристы, Тань, – Лекс быстро проверил аббревиатуру по нейрочипу. – Эти буквы означают геолого-разведывательная экспедиция. Геологи. Почти полтора века назад. Они здесь искали полезные ископаемые.

– А... – немного разочарованно протянула девушка. – А я думала туристы. Все равно. Жаль, что сейчас нельзя путешествовать. Махнули бы на море.

– Да. Было бы здорово. Секунду, у меня вызов, – Лекс коснулся большим пальцем небольшого бугорка на шее, активируя имплантированный чип-ларингофон, снимавший колебания с голосовых связок и позволявший говорить, не открывая рта. Звонил руководитель, профессор Швабе.

– Добрый день, коллега. Вижу, вы с Танюшей наслаждаетесь погожим деньком, – прозвучал в мозге транслируемый нейрочипом голос с характерным немецким акцентом. – Одобряю. Как закончите прогулку, свяжитесь со мной по терминалу. В АНТ¹⁰ намечен проект как раз по нашей тематике. Они создают с военными совместную полевую группу. Я предложил вашу кандидатуру. Детали обсудим позже. Я уже вылетел к вам. Благо, погода позволяет пользоваться самолетом. Вид из окна сверху, скажу вам, великолепный.

– Вы сказали полевую группу?

– Да, мой друг. Планируется долгий выход в Пустоши. Но все детали позже. А пока – до встречи.

– По работе? – спросила Татьяна.

– Ага, – кивнул Лекс. – Вроде планируется долгий полевой выход.

– Насколько долгий? – она теснее прижалась к нему.

– Понятия не имею. Ни по времени, ни по теме. Босс темнит, не хочет в открытом эфире говорить. Наверно, что-то серьезное.

– Я буду скучать.

– Я тоже, – он повернулся к ней, снял перчатку, чуть приподнял подбородок и нежно поцеловал в губы.

* * *

Руководитель Лекса прилетел через два часа. Ведущая лаборатория направления, которое вел Швабе, располагалась в научном кластере в Секторе Бета на западе Территории. В обычное время из-за штормовых ветров пришлось бы тратить часов шестнадцать, чтобы преодолеть на поезде расстояние в 600 километров, но сейчас погода стояла хорошая и полеты были разрешены.

Профессор был одним из корифеев темы влияния климатической катастрофы на геном человека. Изменение газового баланса атмосферы, резкое ухудшение общего состояния природной среды и применение вирусов для сокращения населения планеты не могли не сказаться на наследственности людей. К тому же эта тема очень беспокоила руководство Академии наук Территории, поэтому оно не жалело денег на исследования.

---

¹⁰ Академия наук Территории.

Проблема была в том, что изменения в геноме имели отложенный характер и могли проявиться через поколение или два. Чтобы ускорить процесс и выйти на основные варианты мутаций, исследования форсировались лабораторным путем через выращивание генетического материала в условиях воздействия неблагоприятных факторов. Работы с человеческим организмом были запрещены по этическим причинам, поэтому в экспериментах использовались выращенные из стволовых клеток культуры различных органов. Они и были целью агрессивного воздействия и изучения последующих реакций на генном уровне.

Лаборатория Лекса как раз занималась систематизацией данных от практических генетиков, выстраиванием моделей генома и на их основе прогнозом изменений в человеческом организме. Пока результаты обнадеживали. Увеличение содержания в атмосфере метана и углекислого газа не сказалось на первом поколении людей, родившихся во время климатической катастрофы. Однако даже на этом этапе были заметны некоторые изменения вроде незначительного падения уровня мозговой активности у детей и подростков из-за снижения вдыхаемого кислорода. В Территории этот фактор можно было компенсировать за счет процедур типа посещения кислородных камер и принятия ставших популярными кислородных коктейлей. Но если тенденция будет нарастать, то проблема постепенного «оглупления» человеческой расы могла стать очень серьезной. К тому же надо было учитывать, что, кроме десятка обжитых территорий, сохранивших остатки цивилизации и порядка, по всему миру существовали дикие Пустоши, где в разных регионах мира, по оценкам ученых, могли выживать в нечеловеческих условиях до пятидесяти миллионов человек. При отсутствии технологий и медицины влияние богатой углеродом и метаном атмосферы на их мозг могло вызвать ускоренные мутации с самыми непредсказуемыми последствиями.

Сокращение вдыхаемого кислорода имело и некоторые положительные стороны. Окислительные процессы в организме стали протекать медленнее, что в перспективе могло привести к увеличению среднего срока жизни. Однозначные выводы делать пока было рано, поэтому Швабе нацеливал всех на сбор максимального количества материала и разработку нескольких моделей, из которых позже можно выбрать одну-две для детального изучения.

Полевые выходы за генетическим материалом за пределами Территории случались регулярно. Этим в основном занимались военные. Подводники привозили образцы из дальних экспедиций, а спецназ делал вылазки в расположенные к югу от Территории Пустоши, занимавшие большую часть Евразийского континента. Ученые к полевым выходам почти не привлекались. Лекс пару раз пытался добиться участия в рейде, но Швабе не разрешил, ссылаясь на то, что он будет для военных обузой.

И вот сейчас профессор сам прилетел, чтобы рассказать о «долгом выходе в Пустоши». Значит, намечалось что-то серьезное, что требовало присутствия на месте квалифицированного ученого.

– Боже, какая восхитительная погода! Солнце. Морозец, – они встретились в кафе в зимнем саду на вершине куба, в котором располагалась лаборатория Лекса. – С такими зимами можно жить.

– На периферии нашего блокирующего антициклона творится ад, – покачал головой Лекс. – На юге ветры под 30 метров в секунду. На востоке побережье терзают ураганы. Уральский промышленный кластер завалило снегом. Мне дядюшка с юга говорит, что космодром бьют нескончаемые пыльные бури.

– Это да, – кивнул профессор. – Если где-то солнце, значит, где-то ураган. Но хватит о погоде. Я читал ваши последние модели. Там, где вы утверждаете, что через пару поколений люди станут более тупыми, но будут жить дольше.

– Ну... Я таких формулировок не употреблял. Пока ведь нам удастся управлять процес-

– Формулировки смысла не меняют. А управление процессом через кислородные процедуры не решит проблему. Более того, оно может ее обострить. Дети, которые получают кислород, будут иметь лучшие показатели мозговой активности, чем те, кто его не получает. Таким образом возникнет интеллектуальное расслоение. Я лично против этого ничего не имею. Но вы, русские, конченные моралисты. Администрация Территории настаивает на равных возможностях и свободном развитии всех резидентов.

– Значит, надо давать кислородную поддержку всем детям, – пожал плечами Лекс.

– Или изменить геном так, чтобы новый состав воздуха с повышенным содержанием углекислого газа и метана не оказывал существенного влияния на умственную активность.

– С этим и связан полевой выход?

– И с этим тоже, – Швабе сделал глоток кофейного напитка и довольно промокнул губы салфеткой. – Черт возьми. Почти как натуральный. Должен признаться, в вашем секторе кофе лучше, чем у нас. Так вот... Вы слышали о республике Лабрадор?

– В рамках школьной географии. Это небольшой район на северо-востоке Канады в зоне относительного комфорта. До потепления был полуостров. Теперь после поднятия уровня океана остров. Когда Штаты и Канаду накрыло, туда собрались все так называемые «зеленые» – экологические активисты и радикалы. Там стихийно возникло территориальное образование с признаками религиозного тоталитарного государства. Религия – экотеизм. Типа планета живая, она всем руководит, она разрушила человечество, она его и возродит в лице правоверных лабрадорцев. Население около двух миллионов. Уровень технологий ниже среднего.

– Это вы сейчас с нейрочипа считали? – прищурился профессор. – Я так многие функции этого жучка и не освоил. Мне с экрана удобнее воспринимать информацию. Я все еще этим девайсом пользуюсь, – он достал из кармана смартфон и открыл страницу. – В общем, все правильно. За исключением двух моментов. Это территориальное образование возникло не стихийно. В его основании участвовал один технологический гигант, имевший в 40-х годах огромные средства. Эта корпорация, вернее, целая группа компаний, выкупила у правительства Канады весь полуостров. Они построили там базовую инфраструктуру, позволяющую пережить катастрофу. Создали свою армию и полицию. Позже они стали собирать на своей территории «зеленых» фанатиков и радикалов со всего мира, которых сбили в тоталитарную секту, постепенно переросшую в религию. В основе этой религии Мать-Земля – некая одухотворенная планетарная сущность. Чушь, конечно, но позволяет лидерам держать под контролем население. Сейчас верхушка корпорации трансформировалась в правительство. Оно обладает тоталитарной властью и полностью контролирует эту территорию, развивая ее в своих интересах. Это первое. Второе. Может быть, общий уровень технологий там невысокий, но есть направление, в котором они довольно далеко продвинулись. Я имею в виду генетическую модификацию человека. В Лабрадоре нет моральных и этических ограничений на проведение исследований на человеческом материале, поэтому эксперименты там идут полным ходом. Недавно спутник слежения перехватил радиообмен между членами их правительства. Расшифровка говорит о том, что в лабораториях корпорации создали прототип человека, который якобы может считаться следующим эволюционным уровнем. Он не восприимчив к агрессивной среде, не подвержен болезням, обладает мощными интеллектуальными возможностями. На его основе корпорация планирует создать новую расу, которая заменит человеческую, расселится по планете и займется восстановлением биосферы.

– Чушь из дешевого боевика начала века, – пожал плечами Лекс. – Помню, смотрел десяток таких. Зомби, чудовища, мутанты. Это даже не фантастика, а фэнтези.

– Возможно. Но разведка утверждает, что у корпорации есть центр, где разрабатываются передовые технологии эктогенеза¹¹. Если это так, то они могли продвинуться очень далеко по

---

¹¹ Технология выращивания эмбриона вне организма в искусственной среде.

пути моделирования человека. Академия хочет знать насколько. Мы не можем пустить эксперименты такого рода на самотек. Корпорация не отвечает на наши запросы, поэтому Администрация Территории планирует провести в Лабрадоре силовую операцию. Ее цель – получить материалы исследований и по возможности биообразцы. Здесь как раз и нужна наша помощь.

– Это вполне могут сделать военные, – молодой ученый прикинул в уме, на сколько может затянуться экспедиция в место, которое находится на другом конце света. – Зачем им генетик?

– Чтобы оценить на месте уровень научной программы Лабрадора и принять решение о дальнейшей судьбе лаборатории. Если там все серьезно, она будет уничтожена. Если все это пустышка, то пусть сектанты ковыряются и дальше. Разведка просто поставит объект на контроль. Кто знает, может через некоторое время они случайно сделают прорыв, которым сможем воспользоваться мы. Ведь исследования на аутентичном человеческом материале гораздо эффективнее, чем на лабораторных культурах.

– Вы планируете превратить их в негласный экстерриториальный филиал, на который не распространяются правила Территории?

– А почему бы и нет? – хитро подмигнул немец. – Только об этом никому ни слова. Так вы согласны? Или мне порекомендовать другую кандидатуру?

– Согласен. Я давно мечтал о полевом выходе, – энергично закивал Лекс. – А тут намечается полноценный рейд.

– Вы ведь прошли начальную военную подготовку? – чуть прищурился профессор, видимо, рассматривая досье своего сотрудника через нейрочип. – Это хорошо.

– Базовый курс плюс сборы в рамках общей военной обязанности.

– Специальность – полевая медицина. Как раз подходит. Не думаю, что вам понадобятся ваши навыки. Но кто знает, – Швабе допил кофе и аккуратно поставил чашку на блюдечко. – Если вы согласны, то я внесу вас в список экспедиции со стороны Академии наук Территории. Все остальные инструкции получите от военных. Они с вами свяжутся в ближайшее время. А теперь пойдете в лабораторию, поговорим с людьми, посмотрим на ваши последние модели.

* * *

Командиром тактической группы военные назначили офицера Центра ССО¹² Сектора Альфа капитана Фролова. Вопреки ожиданиям, он не подходил под созданный киношниками образ спецназовца – резкого раскоченного здоровяка, способного головой ломать кирпичи. Кэп был невысокого роста, жилистым, как высохшая на солнце дубовая ветка, но улыбчивым и общительным. В группе отношения были почти семейные. Бойцы все друг про друга знали, поэтому тем для шуток и подколов было много, чем ребята не стесняясь пользовались. Из-за этого тактические занятия по планированию экспедиции иногда превращались в балаган, который Фролов пресекал мягко, но безапелляционно.

Лекс неплохо вписался в группу. Ему нравилась расслабленная, дружеская атмосфера и странное, незнакомое до этого чувство принадлежности к стае, когда соседний волк и прикроет, и поможет, и оставит тебе твою долю добычи.

Перед выходом, пока готовился транспорт, а разведка уточняла детали на местности, группа прошла недельную программу спайки. За это время ученый вспомнил навыки полевой медицины, которые, судя по скептическим взглядам капитана Фролова, находились на весьма посредственном уровне. Но Кэп¹³ сказал не расстраиваться, потому что медподготовка была одной из основных дисциплин в ССО и каждый спецназовец вполне мог сойти за полноценного

---

¹² Силы специальных операций.

¹³ Капитан.

полевого медика. Это сняло некоторое чувство вины, которое начал было испытывать Лекс, и позволило ему сосредоточиться на изучении разведанных по цели.

Лаборатория располагалась на небольшом, находящемся на севере острове, отделенном от основной территории несколькими километрами воды. Сам Лабрадор после поднятия уровня океана представлял собой остров почти правильной треугольной формы со сторонами в 600-700 километров. До ближайшей материковой суши от него было километров двести. Да и суши это можно было назвать весьма условно. После стаивания вечной мерзлоты весь север и восток Канады превратился в сплошные болота, по которым передвигаться можно было только зимой. Настоящая суша начиналась намного южнее, на уровне пятидесятой параллели, западнее места, где когда-то находились Великие Озера, а сейчас разливалось соленое, соединенное с Атлантикой море. Там, в небольшой полоске полупустынь, располагались американские пустоши, заселенные сквотерами, каким-то чудом сумевшими выжить в нестерпимой жаре и постоянных пыльных бурях в занесенных песком, брошенных десятилетия назад городах.

Расстояние от восточных границ Территории до Лабрадора превышало 9000 километров. Раньше его можно было бы преодолеть за несколько часов на транспортнике и высадиться на объект с воздуха. Но сейчас такой способ доставки был невозможен. Над севером Тихого океана и Канадой гуляли мощные ураганы с ветрами, достигавшими сорока метров в секунду. Такие метеоусловия не позволяли использовать воздушный транспорт. Сам Лабрадор тоже находился в зоне экстремальной погоды. Над ним столкнулись холодные воздушные массы, идущие с Северного Ледовитого океана, с более теплым воздухом, поступающим с южных широт вдоль Восточного побережья Америки. Метеослужба сообщала о шквалистом ветре и сильных снежных бурях.

Взвесив все эти факторы, штаб принял решение использовать для доставки тактической группы подводную лодку, атомный ракетоносец класса «Ясень», с которого была демонтирована часть пусковых установок крылатых ракет, чтобы освободить место для грузового отсека. Субмарина могла спокойно и незаметно, не опасаясь штормов на поверхности, подобраться к цели, высадить на лед тактическую группу и уйти в режим ожидания.

Подлодки часто использовались для доставки ценных грузов к островкам цивилизации, с которыми Территория поддерживала отношения. Их у военных в активе было десять: восемь – на маршрутах, две – на периодическом обслуживании. Размещались они на отдельной базе, построенной рядом с Тикси – одним из двух морских портов Территории.

За время недельной подготовки погода над Территорией изменилась. Массивная область низкого давления с Тихого океана вытеснила антициклон на север. Температура поднялась до –10. Подул ветер, иногда достигавший ураганной силы. Повалил сухой колючий снег. Фролов, посетовав на погоду, сообщил всем, что добираться до Тикси придется на поезде. Это хоть и немного меняло график экспедиции, но давало возможность бойцам отдохнуть пару дней в пассажирских вагонах от постоянной рутины тактических занятий.

Меридиальная железка шла по восточному берегу Лены с юга на север. Большую часть года она была основной транспортной магистралью, связывавшей Сектор Альфа с Северным побережьем. Поезда ходили с завидной регулярностью, доставляя грузы в Тикси, откуда они потом шли морским путем в отдаленный Уральский промышленный кластер, дальше на запад в Скандинавию или на восток на Аляску, где находились похожие на Территорию, хотя и гораздо меньшие по размерам и технологическому развитию регионы.

Северная Америка. Обитаемая зона Лабрадор

Мощный локомотив медленно двигался по рельсам, пробивая себе путь через снежные наносы огромным угловатым отвалом. Зима в этом году выдалась морозная и малоснежная, но дующие с севера ветры сгоняли с сопков сухой колючий снег в плотные сугробы у малейших препятствий. Особенно много его было на западных склонах хребта, где как раз и была проложена железнодорожная колея.

Мост через Лену прошли несколько часов назад, и теперь поезд упрямо полз на север по железке, проложенной на несколько сот метров выше уровня болот вдоль западного предгорья Верхоянского хребта. Впрочем, в это время Ленские болота, в которые превратилась пойма реки из-за таяния мерзлоты, были покрыты слоем льда, достаточно толстого, чтобы по нему были проложены зимники для снабжения прибрежных поселений автотранспортом. Железная дорога была нужна для доставки тяжелых промышленных грузов в порт Тикси.

Такими темпами поездка длиной в 700 километров от Новой Москвы до базы ВМФ могла занять пару дней вместо обычных 16 часов. Но с погодой и снегом ничего поделать было нельзя, поэтому спецназовцы стоически приняли время вынужденного безделья, посвятив его самому главному в жизни солдата – отдыху.

Лекс никогда раньше не ездил на тяжелом локомотиве, приводимом в движение ядерной энергетической установкой, питавшей тяговые электродвигатели. Для него было в диковинку наблюдать длинную сцепку из 60 грузовых вагонов, каждый из которых был размером с полноценный, хоть и узкий промышленный ангар. Впереди, в центре и сзади состава находились бронированные вагоны охраны с турелями автоматических пушек и радары на крышах. Хотя дорога шла по зоне ответственности Верхоянского промышленного кластера, кочевники, заселившие находящиеся дальше к востоку Пустоши, иногда собирались в крупные банды и пытались совершать набеги на поезда и промышленные предприятия. Ни один из таких набегов за всю историю не был удачным, но Администрация Территории относилась к ним серьезно, значительно усилив охрану объектов и железки.

Тикси встретил группу Фролова пронизывающим ветром и снежным бураном. Спецназовцы быстро погрузили свое оборудование на вездеход, который через час доставил их на базу ВМФ Территории.

Лекс включил обогрев щитка шлема арктического термокостюма и, стерев перчаткой влагу с внешней стороны, попытался рассмотреть стоящие у пирсов военные корабли. Было темно. Северный ветер гнал снежную пургу почти параллельно земле, так что видно не было ничего, кроме расплывчатых пятен ходовых огней работавшего в бухте ледокола.

«Ясень» стоял в крытом доке, готовый к отплытию. После совместного брифинга с капитаном спецназовцы загрузились на субмарину и та, следуя за ледоколом, на перископной глубине, чтобы избежать обледенения, вышла в губу Бугор-Хая. Там глубина позволяла полное погружение и лодка, нырнув на 70 метров, ушла под льды моря Лаптевых. При скорости в 30 узлов¹⁴ в подводном состоянии 9200 километров до Лабрадора предполагалось преодолеть за 7 дней.

Большую часть времени спецназовцы проводили в ситуационной каюте, где изучали последние данные по объекту. Информации было немного. Со спутника комплекс лабораторий выглядел довольно мрачно. Приземистое монолитное здание 100 на 100 метров, огороженное по периметру высоким бетонным забором и рядами колючей проволоки. Электроэнергию давали несколько десятков ветрогенераторов трубного типа. Территория хорошо освещена. Заметны стационарные посты охраны. По-видимому, ученые опасались набегов алеутов, которые заселили Баффинову Землю к северу от Лабрадора и не давали спокойно жить сектантам и поселенцам в Гренландии.

Как попасть внутрь охраняемой территории, Фролов решил сразу. А вот дальше придется действовать по обстоятельствам. Разведка сообщала о видимых со спутника нескольких грузовых воротах и десятке входов, расположенных с разных сторон. Ни о внутреннем устройстве лаборатории, ни о том, сколько там находится охраны и персонала, информации не было никакой.

---

¹⁴ 1 морской узел – 1,85 км.

– Я вообще не понимаю, зачем эти танцы с бубнами, – Фролов бросил недовольный взгляд на выведенную на поверхность стола интерактивную карту. – Если ученых так беспокоит этот объект, если они думают, что он представляет опасность, может, стоило его накрыть ракетным ударом. Пару ракет с «Ясеня» – и все. Вопрос решен.

– Кэп, ты же слышал брифинг, – один из спецназовцев отвалился на спинку кресла и пшикнул банкой с тоником. – Им инфы нужна. Образцы. Поэтому и Бот с нами.

«Бот» был позывным Лекса, который прилип к нему с подачи одного из бойцов. Причем к программированию он не имел никакого отношения, а оказался сокращением от «ботан». Лекс не стал дуться, довольный тем, что ребята не придумали что-нибудь более обидное. Бот так Бот. Тем более по сравнению с крутыми спецназовцами он действительно выглядел городским дрыщом, не приспособленным к полевой жизни, не говоря уже о боестолкновениях, которых, судя по решительному виду Фролова, избежать никак не удастся.

Тактическая группа состояла из трех команд по три человека плюс он – ботан. В каждой команде был «танк» в тяжелой броне поверх экзоскелета, обвешанного смертоносным оружием вроде крупнокалиберного пулемета, огнемета и ручного кассетного гранатомета, и два штурмовика для зачистки помещений. Такой огневой мощи должно было хватить для нейтрализации даже самой серьезной охраны. Но командование настояло на применении летального оружия только в крайнем случае, поэтому для штурма предполагалось использовать парализующие патроны. Это было хлопотно и опасно, потому что за те несколько секунд, что пройдут до начала действия парализатора, противник мог выпустить в нападавшего полноценную очередь.

План Фролова не отличался замысловатостью. Нужно скрытно подойти к объекту, обесточить его, затем, пробив бетонный забор взрывами, с трех сторон войти на территорию. Нейтрализовать охрану, взорвать двери здания и проникнуть внутрь. Там уже разбираться, что да как. Основным в этом плане было «обесточить» и «взорвать». Первое решалось специальным устройством, а для второго на «танки» нагрузили кучу взрывчатки разной мощности и действия.

«Ясень», пробив метровый лед, всплыл в десяти километрах от острова Унгава, на котором была расположена лаборатория. Раньше это был полуостров, примыкающий к Лабрадору, но сейчас из-за подъема воды между ними образовался неширокий пролив. Глубина позволяла подплыть и ближе, но Фролов опасался, что на объекте или у береговой линии могут находиться радары или датчики, способные засечь показавшуюся из-под льда лодку высотой с двухэтажный дом.

Разгрузка прошла быстро. Спецназовцы экипировались заранее. Экипажу оставалось только переместить из грузового отсека три снегохода, больше напоминающих небольшие приземистые вездеходы, и салазки к ним для транспортировки оборудования и трех «танков», которые в своих экзоскелетах были слишком тяжелыми и громоздкими для снегоходов.

Метеосводка, которая не обещала ничего хорошего, не могла передать творившейся на поверхности жути. Ураганный ледяной северо-западный ветер гнал параллельно земле облака жесткой снежной пыли. Температура ночью опустилась ниже –25. Видимость была почти нулевая. Темную снежную пелену не пробивала ни термооптика, ни ПНВ, ни лидары¹⁵. Работал только ультразвуковой радар, и то неуверенно. Это означало, что спутник и запущенный с подлодки разведывательный дрон, которому чудом удалось пробиться через низкую облачность, будут бесполезными. Такая погода усложняла и обесточивание объекта. Первоначально это планировалось сделать, используя мортиру, но навести снаряд с воздуха при таком ветре и снеге оказалось невозможным. Значит, заряд надо будет доставлять вручную к самому периметру.

---

¹⁵ Лазерный прибор для измерения расстояния до объектов, способный работать как радар дающий общую картинку местности.

Оценив обстановку, группа погрузилась на снегоходы, выстроилась в плотную цепочку и медленно двинулась к цели. Через полчаса, когда до объекта оставалось два километра, Фролов отдал приказ остановиться. Спецназовцы спешили и отцепили салазки с грузом. Затем три штурмовика загрузили нужное оборудование на снегоходы и исчезли в темной снежной мути, каждый в своем направлении. Остальные, включив обогрев костюмов на максимум, укрылись от ветра за салазками и приготовились ждать.

Первый снегоход вернулся минут через двадцать. За ним с промежутком в пять минут – остальные. В следующие четверть часа произошло вот что. У ближайшей стены периметра сработал компактный взрывомагнитный генератор электромагнитного импульса, который выжег всю электронику в радиусе километра. Шанс на то, что в лаборатории будет установлена специальная защита от ЭМИ, стремился к нулю, потому что аппаратура такой сложности даже у военных в лучшие времена была редкостью. Поэтому все электроприборы объекта вышли из строя. Через пять минут после срабатывания взрывогенератора с трех сторон к периметру подъехали штурмовые группы на снегоходах, до этого находившиеся вне зоны его действия. В этот момент специальные, установленные ранее штурмовиками устройства распылили на бетонную стену жидкий азот. Затем сработали фугасы, которые проделали в потерявшем прочность бетонном ограждении трехметровые дыры. Спецназовцы резво выгрузились и под прикрытием «танков», защищенных широкими бронещитами, проникли внутрь периметра.

Вопреки ожиданиям, на территории никого не было. Во всяком случае, насколько позволял обзор сквозь снежный буран. Готовые в любой момент отразить атаку, группы двинулись с трех направлений в сторону основного здания, к местам, где по плану должны были быть грузовые ворота и входы. Двери оказались довольно хлипкими, так что усилия экзоскелета было достаточно, чтобы их выдавить, а вот грузовые ворота пришлось взорвать.

Лекс вместе с командиром был в группе, которая вошла через ворота. Когда дым от взрыва рассеялся, через ПНВ удалось рассмотреть помещение, похожее на полупустой склад с разложенными по редким кучам ящиками и паллетами. Штурмовики разошлись и быстро прошли в дальний конец к двери, которую тут же выдавил «танк». В полной темноте вошли в короткий коридор. Опять никого. Справа и слева – похожие на офисы комнаты. Пока спецназовцы контролировали коридор, штурмовик в экзоскелете, прикрываясь бронещитом, по очереди выламывал двери, заходил внутрь и, бросив короткое «чисто», двигался дальше. Затем в комнату заходил Лекс, быстро осматривался, если на столе лежали рабочие планшеты, складывал их себе в сумку.

Основной целью были рабочие помещения лабораторий с биообразцами и серверная станция, где должен был находиться основной модуль искусственного интеллекта и база данных по экспериментам. Но коридор, по которому двигалась группа Лекса, вывел в похожее на тюрьму просторное помещение с камерами. Все были пусты.

В это время вторая группа сообщила, что вошла в жилую секцию, где располагались спальни и казарма охраны. Обнаружили десять человек ученых и лаборантов и столько же охранников. Никто сопротивления не оказывал. Всех скрутили и заперли в столовой.

Третья группа доложила, что нашла лабораторию из нескольких изолированных блоков, в которых находились аппараты, похожие на биореакторы. Кроме дежурного лаборанта, там тоже не было никого. Испуганного беднягу, оцепеневшего от устрашающего вида штурмовиков, скрутили и отвели к остальным в столовую. За лабораториями обнаружилась секция офисов и хранилище препаратов и реагентов, а за ними – серверная. Спецназовцы изъяли четыре операционных блока суперкомпьютера и несколько секций базы данных, погрузили все это на медицинскую тележку и притащили ее к столовой, где уже собрались все группы.

«Танки» в экзоскелетах, прикрываясь щитами, заняли позиции в коридоре на случай внезапной атаки. Несколько штурмовиков вместе с Лексом прошли в лабораторию для поиска и изъятия образцов, а командир приступил к опросу задержанных. Больше всего его интере-

совало, почему при входе на объект не было оказано сопротивление и где делась охрана на вид неплохо укрепленного периметра.

Старший отдыхающей караульной смены, судя по странным цветастым нашивкам и шевронам – офицер экологической гвардии Лабрадора, оказался человеком опытным. По тому как пропало электричество и выгорели электроприборы, он понял, что применен модулируемый электромагнитный импульс. Отсутствие реакции охраны периметра объяснялось именно этим. Ее бойцы просто застряли в бронированных башнях, когда электронные замки дверей заблокировались в положении «закрыто». По той же причине не сработали автоматические турели, оснащенные реагирующей на движение термооптикой. Из его слов вообще выходило, что охрана объекта вела себя довольно расслабленно. Особенно в жестких метеоусловиях. Алеутов с Баффиновой Земли можно было не опасаться. Они в снежный буран сидели по норам. Надо было быть полным самоубийцей, чтобы в такую погоду без навигационных приборов на оленях отправиться за сотню километров и попытаться штурмовать хорошо укрепленную лабораторию.

Такая ситуация Фролова полностью устраивала, но она могла в любой момент измениться, если охранникам в башнях каким-то образом удастся открыть замки. Поэтому надо было действовать быстро.

Пока Фролов опрашивал охранников, вернулся Лекс из лабораторий.

– Мне нужен доступ к заблокированным отсекам с биореакторами, – сообщил он командиру. – Надо узнать, кто у ученых старший.

– Замки заблокированы электромагнитным импульсом, – ответил тот. – Их, скорее всего, уже не открыть.

– Может все-таки есть способ. Спроси, кто у них старший по науке.

Руководителем исследований оказался доктор Дорси, седой полноватый старичок с колючими неприветливыми глазами.

– Судя по вашему виду, наглым действиям и акценту, вы русские и прибыли с Территории, – с вызовом вздернув подбородок, заявил он. – Позвольте спросить, чем мы обязаны такому хамскому вторжению.

– У нас есть информация, что вы здесь проводите эксперименты по генетическому модифицированию человека, используя технологию эктогенеза, – в тон ему ответил Лекс. – Вы должны знать, что подобные эксперименты запрещены решением Совета безопасности ООН от 2034 года и международной конвенцией.

– Вы, вообще, о чем говорите, молодой человек? – смерил его презрительным взглядом ученый. – Где вы сейчас наблюдаете ООН? Где вы видели Совет Безопасности? Какое вы имеете право указывать нам, что делать. Пятьдесят лет назад вы угробили планету, затем стянули ресурсы со всего мира к себе в Территорию и сейчас жируете на единственном крупном, пригодном для жизни клочке земли. Вы обрекли остальное человечество на гибель, а тех, кто выжил, на жалкое прозябание в нищете в Пустошах. У вас нет никакого права указывать, как нам жить в Лабрадоре и какие исследования проводить.

– Я не могу его пробить по нейрочипу, – тихо сказал капитану Лекс, пока Дорси толкал свою гневную речь.

– Здесь нет поддерживающего сигнала. Доступ будет только с «Ясеня» через спутник связи. И то при такой погоде я не уверен. Судя по всему, это охренеть какой важный перец, – ответил тот и обратился к ученому. – Послушайте, профессор. Давайте не будем вступать в дискуссии. Мы здесь и сделаем порученную нам работу. Мне нужна научная и технологическая документация по исследованиям и образцы биоматериалов. Мы в любом случае их получим. Если вы не откроете секции с биореакторами, мы просто взорвем двери. Если вы не будете сотрудничать, мы применим силу. Если вы окажете сопротивление, мы откроем огонь на поражение. Так что предлагаю не обострять ситуацию. Немедленно вскройте лаборатории. Мы возь-

мом образцы и уйдем. До сих пор здесь не погибло ни одного человека. Мне бы не хотелось открывать счет.

– Вы действуете варварскими методами, – глаза Дорси гневно сверкнули в свете установленных спецназовцами в столовой ламп. – Здесь все свидетели. Чтобы избежать жертв, я подчиняюсь грубому насилию. Прошу начальника охраны занести это в журнал.

– Вот и прекрасно, – облегченно выдохнул Лекс, которого не на шутку напугала решительность Фролова. – Не будем терять времени.

В лабораторном блоке было четыре секции с биореакторами. Все имели скрытые аварийные механические запоры, позволявшие открыть толстые двери из бронированного стекла. Один был пуст. В двух находились человеческие эмбрионы в искусственных плацентарных мешках. В третьем лежала девушка, к которой были подведены трубки системы поддержания жизни.

– Боже, это правда, – выдохнул Лекс, рассматривая молодое обнаженное тело, покрытое гелеобразным дезинфицирующим биораствором.

– А вы думали, мы здесь опустили в каменный век? – с вызовом спросил Дорси. – Мы создаем нового человека, который сможет восстановить планету и построить на ней справедливое общество.

– У вас есть готовые образцы ДНК, которые я бы мог забрать с собой?

– Все в вашем распоряжении. Вы просили открыть двери. Я открыл. Я вынужден был подчиниться насилию. Теперь делайте, что хотите. Без электронной картотеки я не знаю, что где стоит. А электричества по вашей вине нет, – доктор развел руками, давая понять, что из лаборатории можно забирать любые материалы.

– Хорошо, – Лекс на секунду задумался и повернулся к стоящему рядом спецназовцу. – Чтобы не тратить время на поиски, несите сюда криоконтейнеры. Мы забираем два эмбриона. А у этого... У этой... Короче, а у нее я возьму образец ДНК сам.

– Вынимая эмбрионы из плацентарного мешка, вы обрекаете их на смерть, – с ехидной ухмылкой проговорил доктор. – Вам не жалко? Где же ваш гуманизм? Где сострадание?

– Перестаньте паясничать, – осадил его Лекс, – относитесь к этому, как к прерыванию нежелательной беременности. Мы даже не знаем, можно ли считать их людьми. Но, поверьте, выясним. У нас будут реальные образцы и блоки памяти с суперкомпьютера.

– Желаю удачи, – хитро сощурил глаза Дорси. – Только вы ничего там не найдете. Вся важная информация здесь, – он красноречиво постучал себя пальцем по лбу.

В следующие десять минут Лекс извлек из плацентарных мешков и поместил в криоконтейнеры эмбрионы. Затем использовал несколько шприцев, чтобы взять образцы ДНК у девушки, и поместил их туда же. После этого вернулся в столовую к Фролову.

– Время. Время. Мы уже висим здесь почти полчаса, – нетерпеливо постучал тот по щитку шлема в месте, где на него были спроецированы часы. – Ты получил то, что надо?

– Да. Взял, что можно. Думаю, этого будет достаточно.

– Бот, я нихрена не разбираюсь в науке, – капитан понизил голос, хотя общались они на общем канале группы. – Но я по тактическому каналу наблюдал за твоим разговором в блоке биореакторов с этим ученым-сектантом. Там, где девчонка голая лежит. Помнишь, он сказал, что основное у него в башке и вы нихрена ни в чем сами не разберетесь. Хочешь совет? Надо брать этого маньяка с собой. Если они продвинулись так далеко, что смогли вырастить в пробирке девушку, то это конкретный прорыв. Здесь Академии потребуется максимум инфы.

– Забрать Дорси с собой? – удивился Лекс. – Он ведь не пойдет. Да и инструкций у нас на похищение людей нет.

– Еще как пойдет. Только кивни мне, что даешь добро. А насчет инструкций не парься – сойдет за биообразец.

– А ведь ты прав, Кэп, если мы притащим его с собой, он вольно или невольно нам все расскажет.

– И я о том же. Он ведущий ученый по теме. Мне это сказал начальник охраны. С ним будет гораздо проще во всем разобраться.

– Хорошо. Будем считать его образцом, – согласно кивнул Лекс.

Через минуту доктора Дорси вывели в коридор. Там один из спецназовцев, не говоря ни слова, сделал ему в шею инъекцию парализатора. Обмякшее тело ученого запаковали в похожий на толстый спальный термочехол и положили на коляску. Затем спецназовцы, чтобы нейтрализовать персонал и охрану на время эвакуации, установили в столовой несколько реагирующих на движение зарядов, оснащенных взрывателями с отключающим таймером, настроенным на полчаса. Они сообщили, что никому нельзя в течение этого срока подходить к выходам, иначе будет взрыв и помещение накроет веер осколков. После этого все без приключений покинули здание, погрузили на салазки свою добычу и через дыры в стене добрались до стоящих за ней снегоходов, благодаря высшие силы и тех, кто придумал ЭМИ, что замки сторожевых башен так и не открылись и не пришлось никого убивать.

* * *

Августа в свои 78 выглядела на сорок с небольшим. Всю свою зрелую жизнь она много внимания, времени и средств уделяла здоровью и внешности. Особенно когда в самом начале климатической катастрофы в 50-х годах на черном рынке появилась чрезвычайно дорогая и настолько же спорная по эффективности процедура клеточной регенерации. Тогда ей было немногим больше тридцати. Время расцвета для женщины. Особенно если она является дочерью одного из богатейших людей Америки.

Ее отец в начале века основал самую популярную в мире социальную сеть и, заработав на ней под сотню миллиардов, стал одним из наиболее влиятельных людей в стране. Его влияние на людей в США и во всем мире через манипулятивные алгоритмы подконтрольных ему Интернет-ресурсов было настолько велико, что он возомнил себя вершителем истории. Вначале робко, затем все настойчивей молодой, но непомерно амбициозный цифровой олигарх начал давать понять политикам в Вашингтоне, что претендует на роль одного из серых кардиналов, имеющих реальную власть в стране.

В 20-х годах в Америке на волне развития интернета, криптовалют и жиреющего на бесплатных деньгах Федрезерва, финтех¹⁶ стихийно собралась пятерка чрезвычайно богатых, рвущихся к власти олигархов, мечтавших переформатировать страну. Журналисты дали им и их единомышленникам меткое прозвище «новые деньги». Целью участников этого неформального закрытого клуба была постепенная деградация государственных структур через разрушение традиционных ценностей и продвижение новой ультралиберальной этики. В конце этого процесса хорошо просматривался главный приз – передача государственных функций корпорациям, которыми они владели. После завершения своей миссии в США «новые» планировали развить успех по всему миру и в итоге создать одну гигантскую глобальную мега-корпорацию, контролируемую и управляемую узкой элитарной группой. Именно она должна была принять на себя главную роль в управлении человечеством, оставив подконтрольным ей правительствам лишь функции поддержки и обеспечения ее деятельности.

К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Почувствовав нарастающую угрозу государству, группа консервативных политиков провела тайную операцию по обнулению долларовой финансовой системы и ввела контролируемый из единого центра криптодоллар. Этот

---

¹⁶ От англ. *fintech* – финансовые технологии и услуги, основанные на использовании интернета, больших баз данных, искусственного интеллекта и других инноваций, повышающих эффективность операций на финансовых рынках.

шаг не просто уничтожил финансовую почву «новых денег», он лишил их бизнеса, а значит, и влияния. Окончательную точку поставил спецпрокурор, обвинивший руководство пяти крупнейших технокорпораций в попытке конституционного переворота и надолго упрятавший многих из них за решетку.

Предчувствуя конец своей империи, отец успел перевести некоторую часть своего сто-миллиардного состояния в золотые слитки и криптовалюту и распределил все между членами семьи. Августа тогда получила почти 3 миллиарда. Эта сумма из-за роста котировок драгметаллов к концу денежной реформы США утроилась, но уже в новых криптодолларах. Ей было тогда 15 лет, и всеми активами управлял назначенный отцом поручитель.

Молодая девчушка не понимала, что происходит в мире финансов. Ее больше интересовала популярная в то время экологическая тематика. Августе нравился хайп вокруг надвигающегося глобального потепления и спасения планеты. Понемногу девушка втянулась в тусовку зеленых и стала активистом Extinction Rebellion¹⁷. К 25 годам, когда все поняли, что климатической катастрофы не избежать, она уже возглавляла американский филиал этого движения, ставшего одним из основных проводников экологической повестки.

Впрочем, с возрастом романтический флер вокруг спасения планеты начал рассеиваться, очень быстро уступая место унаследованной от отца инновационной коммерческой жилке. На зеленой повестке можно было делать деньги. Очень большие деньги. Обладая серьезным капиталом, Августа вначале профинансировала исследования новой технологии удаления метана из атмосферы, а затем создала компанию по производству оборудования, которая тут же получила миллиардные государственные контракты.

Шел 2044 год. Климатическая катастрофа стала неотвратимой реальностью. Понимая это, правительства вкладывали колоссальные суммы в запоздалые и тщетные попытки ее отсрочить. К сожалению, никакие технологии в то время уже не могли спасти планету от надвигающегося катаклизма.

То, что мир ожидает погодный апокалипсис, стало ясно через пару лет. В это время Россия открыто презентовала проект «Эдем» – создание в Восточной Сибири интернационального административного образования. По расчетам климатологов, на этой территории в силу ее географического положения должны были сохраниться пригодные для относительно комфортной жизни условия, способные обеспечить выживание и дальнейшее развитие человеческой цивилизации в условиях климатической катастрофы.

Эта новость заставила Августу взглянуть на происходящие в мире изменения под другим углом. После долгих раздумий она пришла к нескольким неутешительным выводам, о которых, несмотря на всю очевидность надвигающейся катастрофы, никто в публичном пространстве открыто не говорил.

Первый был в том, что климатическую катастрофу остановить уже невозможно. Все попытки ведущих государств сократить выбросы и изъять парниковые газы из атмосферы – имитация активности, дымовая завеса, чтобы скрыть их истинные планы относительно проекта «Эдем». Второе. Климатические потрясения будут более разрушительными, чем описано даже в самых негативных сценариях. Планету ждут не просто серьезные изменения погоды, а именно катастрофа, масштабы которой тщательно скрываются от людей. Иначе зачем готовить Территорию, если худо-бедно с ветрами-ураганами и засухами-наводнениями можно будет жить везде в средней полосе. Третье. Существует тайный план радикального сокращения численности человечества. Территория рассчитана на полмиллиарда человек. Остальным восьми в них места нет. Более того, проект русских не выдержит наплыва климатических мигрантов.

---

¹⁷ Extinction Rebellion (Восстание против вымирания) – общественно-политическое движение, использующее ненасильственные методы борьбы против изменений климата, за восстановление экологии, сохранение биоразнообразия и внедрение «зеленых» технологий.

Значит, миграционных потоков просто не будет. Как создатели «Эдема» собирались сократить человечество, не имело значения. Важно было лишь то, что через некоторое время это произойдет. Четвертое. Происходящее является результатом хорошо проработанного плана, который разворачивался на протяжении нескольких последних десятилетий. Плана, возможно, даже более значимого и в цивилизационном плане более судьбоносного, чем создание Территории, на которой можно пережить климатическую катастрофу.

В этот момент в голову Августы пришла шокирующая мысль. А что если изменения климата – это не стихийно развившийся процесс, а часть чудовищного заговора по перестроению цивилизации.

В начале века человечество как вид стояло на пороге саморазрушения. США, упустив возможность стать мировым лидером, сцепились в смертельной схватке с Россией и Китаем, претендовавшими на роль новых мировых центров силы. Результат этой борьбы был вполне предсказуем – мировая ядерная война, которая отбросила бы человечество в средневековье. Для того чтобы избежать тотального разрушения, нужно было радикально снизить уровень агрессии США на мировой арене. Это произошло после обнуления долларовых счетов в результате глобальной кибератаки, организованной группой «хозяев денег». Потеряв основной рычаг влияния на мировую политику и ввергнув остальные страны в экономический хаос, Америка занялась внутренними делами, оставив попытки доминирования на международной арене. Это решило проблему мировой войны. Но вопросы перенаселения и неконтролируемого потребления ресурсов становились все более острыми.

Человечество бездумно пожирало планету, на которой родилось и выросло. Экосистема Земли просто не могла выдержать давление 8 миллиардов людей и очень быстро увядала. Все попытки остановить этот процесс наткнулись на различие интересов и национальный эгоизм двух десятков развитых стран. Такое разобщение и нездоровое соперничество за ресурсы и рынки стало основным тормозом развития цивилизации. Изменить эту ситуацию могла только глобальная катастрофа, способная радикально сократить население, уничтожить суверенные государства и создать вместо них новую общность, объединенную одной целью и подчиняющуюся единому руководству.

Такой катастрофой и стало изменение климата. Получалось, что люди, стоящие за «Эдемом», сознательно дали возможность глобальному потеплению приобрести необратимый характер, чтобы в Восточной Сибири создать Территорию, способную положить начало новой цивилизации. Такой ход мысли был довольно спорным. Умом Августа это понимала. Но ее душа, основательно настроенная против политиков годами работы с Extinction Rebellion, с готовностью восприняла эту теорию заговора. Оставалось решить, что со всем этим делать.

Можно было поступить, как большинство людей с большими деньгами. Они, спасаясь от катастрофы, со своими приближенными искали уединенные места и создавали там погодостойчивые автономные сооружения с запасами воды, еды, топлива и возможностью воспроизводства ресурсов. Такие убежища были способны поддержать длительное время существование небольшой коммуны в 20-50 человек. Существовала и более продвинутая версия этого подхода, когда несколько богатых людей собирались вместе. В этом случае численность поселения могла вырасти до тысячи обитателей.

Поскольку научной проработки таких индивидуальных решений не было, места выбирались по принципу «мне здесь нравится» или «думаю, здесь будет спокойно». В основном это были удаленные труднодоступные, легко защищаемые территории. Как выяснилось позже, многие из них оказались в зонах устойчивой разрушительной метеоактивности, такой как экстремальные ураганы или засухи. К тому же в первое десятилетие, пока на военных складах хватало провизии и топлива, остатки военных и полицейских формирований, сбившиеся в банды после фактического развала правительств, нещадно грабили такие поселения. Из-за этого большинство убежищ либо пришлось оставить, либо они находились в режиме постоян-

ного жесткого выживания, стараясь максимально экономно расходовать доступные ресурсы и из последних сил отбиваясь от налетчиков.

Однако был и положительный пример, который позже подвел Августу к принятию важного решения. В 30-х годах один очень богатый американский девелопер¹⁸ взял у Датского правительства в аренду на 100 лет крупный пустынный участок юго-западного побережья Гренландии¹⁹. Его официально объявленной целью был экологический проект по сохранению ледников, изучению влияния потепления на экосистему и созданию для местных жителей компактных автономных поселений, защищенных от экстремальных погодных условий. Под это дело американец отхватил кусок земли в 150 километров по побережью и 200 километров активно таявшего ледника, уходящего вглубь острова.

Как оказалось позже, основной его целью было создание базы для последующего строительства города. Как только первичная инфраструктура была готова, девелопер провел закрытую компанию среди американской элиты по сбору средств на строительство небольшого автономного, обладающего всем необходимым для жизни во время климатической катастрофы города. Сумму он собрал колоссальную. Те из богачей Америки, кто не желал участвовать в «Эдеме», с готовностью принимали альтернативный вариант Территории. Плюсом было и то, что он располагался совсем рядом и свои инвестиции можно было легко контролировать.

К тому времени климатическая катастрофа уже стала реальностью, а по миру одна за другой катились волны смертоносных пандемий, методично выкашивая людей. Видя неизбежное, правительства развитых стран бросили все силы на выживание, стараясь сохранить остатки населения и осколки экономик. Датский кабмин не был исключением. Поэтому без особых проволочек согласовал строительство города-убежища с одним лишь условием: принять находящихся в его регионе местных жителей.

Позже, когда стаяли ледники, в центре Гренландии образовалось огромное пресноводное море, защищенное от ураганных ветров с востока и запада хребтами невысоких гор. Эта внутренняя островная область, расположенная между 65 и 75 параллелью, оказалась одним из наиболее комфортных мест для обитания человека во время катастрофы.

Так возникла Гренландская обитаемая зона. Она не могла сравниться масштабом с Территорией, но обладала всеми признаками устойчивого государственного образования, включая централизованное управление, армию, полицию, науку и довольно успешную технологичную экономику.

Когда девелопер обратился к Августе с предложением присоединиться к строительству города-убежища в качестве одного из основных инвесторов, она взяла время, чтобы подумать. Ее состояние позволяло рассчитывать на голос и место в совете директоров. Но что ей мешало запустить похожий проект самостоятельно? Средств для создания собственной коммуны у нее хватало. Было и место с готовой инфраструктурой.

Канадское правительство по-детски наивных социалистов до последнего пыталось остановить потепление и десятками закупала производимые компанией Августы установки по изъятию метана из атмосферы, тратя на них колоссальные деньги. Одним из мест, где они располагались, был полуостров Лабрадор – огромный кусок территории на северо-востоке Канады. Большая его часть находилась чуть южнее 60-й параллели, которую ученые определили как зону наибольшего комфорта во время катастрофы, поэтому центр и юг должны были высохнуть, а вот на севере вполне можно было создать устойчивую коммуну. Тем более, что именно в этом месте полуострова располагались установки по изъятию метана и поддерживающая их инфраструктура приливных электростанций и ветрогенераторов. Теоретически Августа могла

¹⁸ *Предприниматель, работающий в сфере создания объектов недвижимости.*

¹⁹ *Гренландия входит в состав Датского Королевства как территория, пользующаяся широкой автономией.*

создать там свое, принадлежащее только ей государство. Была только одна проблема – кем это государство заселить.

Когда от девелопера поступило предложение поучаствовать в гренландском проекте, на дворе был уже 2056 год. Средняя температура на планете поднялась на 2,3 градуса по сравнению с постиндустриальной эпохой, и катастрофические изменения климата приняли лавинообразный характер. То, что это произойдет, было ясно уже в начале сороковых, поэтому умные люди со средствами начали готовиться к катаклизму заранее.

О существовании глобального проекта «Эдем» официально было объявлено в 2046. Сразу за этим в мире появилось еще несколько территорий, которые пытались обустроить по похожему принципу, хотя и в гораздо меньших масштабах. Помимо государственных денег, в их финансировании активно привлекались частные средства. Те, кто мог себе позволить, готовили места для предстоящей скорой эвакуации. К 56-му году в большинстве обитаемых зон уже были созданы поддерживающая, жилая и промышленная инфраструктуры. В Северной Америке таких мест было два: государственный проект США и Канады на Аляске и частный проект в Гренландии. Эти две территории уже оттянули на себя почти всех богатых клиентов континента. Те, кто остался, имели весьма скромные сбережения и помочь в строительстве Лабрадора вряд ли могли. Значит, финансировать проект придется самой. Это значительно ограничивало его масштаб.

Спасать людей из альтруистических побуждений у Августы не было никакого желания. Разношерстной толпой с разными взглядами и подходами к жизни очень трудно будет управлять. Раз ей придется вкладывать свои деньги, то надо создать королевство, в котором трон будет принадлежать ей, а вместе с ним и безграничная, пусть и невидимая простому человеку власть. Проект не менее амбициозный, чем предпринятое когда-то ее отцом создание глобальной соцсети, с ее последующей эволюцией в виртуальную метавселенную.

В этот момент ее мысленный взор упал на Extinction Rebellion. Лет десять назад, понимая, что мирные методы с правительствами не работают, эти экологические энтузиасты переросли из относительно мирного движения в состоящую из фанатиков группу радикалов, всеми силами пытавшихся помешать проектам, которые, по их мнению, загрязняли окружающую среду. В последнее время в ER по всему миру влились новые силы молодежи, понявшей вдруг, что у нее нет будущего, и принявшей изливаться на власть свою справедливую злость самыми разными способами. Общей координации уже не было. Движение распалось на несколько региональных ячеек, действовавших самостоятельно. Но его размах все еще был впечатляющим. По оценкам американского руководства, в мире было около 30 миллионов экологических активистов, постоянно участвовавших в акциях, и раза в три больше тех, кто их периодически поддерживал. Из этого людского матерела можно было выбрать себе достойных подданных. Тем более что для большинства это был, пожалуй, единственный способ выжить.

Наконец Августа приняла решение. Она построит свое небольшое королевство, где трон будет принадлежать ей.

Получив у канадского правительства разрешение на освоение Лабрадора по модели Гренландии, она в течение следующих 10 лет отстроила миллионный город с высокой климатической защищенностью и полной автономностью. Для этого пришлось привлечь нескольких крупных, оставшихся без места под солнцем инвесторов. Но и имеющихся у нее миллиардов хватило бы, потому что условия для жизни людей в столице были самые базовые: тепло, еда, работа и крыша над головой в виде помещений казарменного типа.

Основные средства пошли на оснащение сил безопасности и создание научного центра. Потому что у Республики Лабрадор была официально принятая цель: создать технологию, способную остановить климатическую катастрофу и восстановить экосистему планеты. Все в королевстве Августы будет подчинено этой цели. Во всяком случае, так должны думать ее подданные. А для того чтобы эта благородная цель легла на благодатную почву, гражданином рес-

публики должен был быть экологический активист, ее разделяющий. Именно на этих условиях и происходил отбор подданных.

В какой момент благородная цель переросла в религию, Августа так и не поняла, но поддерживала появившихся из толпы самопровозглашенных апостолов. Так было легче управлять народом. В конце концов, где вы видели королевство без священнослужителей, поддерживающих корону.

К 95-му году Республика Лабрадор насчитывала почти 2 миллиона жителей, приютив у себя всех «зеленых», кто выжил после пандемий и смог до нее добраться. Население столицы разрослось до полутора миллионов. Остальные ютились по небольшим поселениям, обслуживающим ветрогенераторы и протеиновые фермы, в которых производилась большая часть еды.

Храмом новой религии, поклоняющейся Матери-Земле, стал Научный центр. В нем действительно велись исследования в попытке найти способ «остановить и восстановить», а заодно разработать более эффективные технологии синтеза протеинов. Это было жизненно необходимо для обеспечения подданных едой и стимуляции в человеке генетических изменений, чтобы тот не сдох от синтетической пищи и мог лучше противостоять стихиям. Ученые там работали не самого крупного калибра. Но несколько в прошлом непризнанных и отвергнутых официальной наукой гениев все же удалось заманить.

В общем, к концу века королева Августа имела в своем распоряжении вполне себе приличное царство, способное потешить самолюбие и дающее возможность постебаться над соседями с Гренландии. Те считали себя демократами, хотя имели режим управления, больше напоминающий военную диктатуру. Такое было время. Все, от маленькой коммуны до гигантской, занявшей почти половину Сибири Территории, понимали, что выжить можно, лишь имея жесткую централизованную власть, способную обеспечить порядок и эффективное производство и распределение ресурсов.

И все бы было хорошо, но у Территории, находящейся на другом конце планеты, возник план создания под своим руководством единой Федерации, объединяющей все зоны обитания в Северном полушарии. Кроме самой Территории, таких зон было 5: Скандинавия, Аляска, Гренландия, Исландия и Лабрадор. Их население составляло меньше 20% от того, что было собрано в «Эдеме». Их технологии и промышленный потенциал были на несколько порядков ниже, а превосходство русских в военной силе было подавляющим и неоспоримым.

По сути, такое предложение должно было привести к поглощению или колонизации Территорией всех северных зон. Но самым обидным было то, что Августа уже не сможет быть полновластной королевой в своем маленьком царстве. Она должна будет войти в какой-нибудь Совет, где ее голос может быть игнорирован. Такое положение дел ее в корне не устраивало, но как ему противостоять, она не знала.

До тех пор, пока к ней не пришел доктор Дорси.

Этот странный старик попросил ресурсы и год времени, чтобы найти ответ на внезапно возникшую проблему. И теперь этот ответ вместе с самим Дорси плыл на русской подводной лодке в Территорию. Его проект оказался даже более многообещающим, чем она могла себе предположить.

– Так вы говорите, русский спецназ напал на нашу лабораторию на Унгаве? – Августа отошла от окна, с которого обычно открывался вид на административный квартал. Сейчас сквозь пелену снежного бурана не было видно вообще ничего.

– Да, мэм, – кивнул сидящий в кресле у стола совещаний генерал, командующий силами безопасности. – Они добрались до пролива на подводной лодке. Затем – на снегоходах к лаборатории. Там привели в действие взрывогенератор электромагнитного импульса, который выжег всю электронику. Затем взорвали несколько секций забора, проникли внутрь периметра и дальше в лабораторию.

– Потери с нашей стороны есть? – она присела за стол и в раздумье посмотрела на генерала.

– Нет. Дежурная охрана заблокировалась в сторожевых вышках, а внутри они взяли всех тепленькими прямо в казарме.

– А турели? Я думала, что хоть турели немного покрошат нападавших.

– Все турели выбил ЭМИ. Я даже не знаю, можно ли их сейчас восстановить.

– Быстро они среагировали, – поджав губы, качнула головой Августа.

– Неожиданно быстро, – согласился командующий. – Наверно, тоже работают над этой тематикой. Работала профессиональная штурмовая группа, отлично оснащенная и экипированная. Но с ними был и ученый. Он отбирал образцы и документы.

– Хорошо, что мы все успели вывезти. Как персонал?

– Напуганы. Они вообще думали, что это инопланетяне. Такая крутая экипировка была у штурмовиков.

– Не завидуй. И не бойся. Нам с ними воевать не придется.

– Не дай бог, – повел плечами генерал.

– Они взяли только Дорси? – Августа подтянула к себе файл с письменным докладом, достала пару листов и просмотрела фотографии.

– Да. Доктора Дорси, несколько образцов и блоки с суперкомпьютера.

– Ну что ж, – вздохнула она. – Джин вырвался из бутылки. Или почти вырвался. Нам теперь остается только ждать.

– И надеяться, – подхватил генерал.

– Надежды – удел слабых, – на подтянутом, неестественно моложавом лице Августы скупая улыбка выглядела угрожающе. – Сильные планируют. Их план либо срабатывает, либо нет. Наш должен сработать. Слушайте приказ. Объект на Унгаве законсервировать. Эвакуируйте оттуда всех, кроме минимума охраны. Чтобы было видно из космоса, что там нет ничего, а то еще долбанут ракетами, чтоб наверняка. А пока будем ждать вестей с Территории. До весны пару месяцев. Тогда основные события и начнутся.

После доклада командующего она немного походила по кабинету, раздумывая над тем, что произошло, затем села в кресло за рабочим столом и открыла на мониторе файл с личным делом Дорси. Теперь от этого невысокого полноватого ворчливого старичка зависела судьба Лабрадора. И не только Лабрадора, а, возможно, и всей планеты. Потому что разработанная им технология могла изменить все.

Свернув файл, она вызвала шефа тайной полиции, который в том числе отвечал за разведку. У нее не было никаких контактов в Территории, которая считала их сектантами и религиозными фанатиками, а вот с Гренландией установились довольно активные торговые отношения. Та, в свою очередь, поддерживала регулярный обмен с Территорией.

В Гренландии у тайной полиции была неплохая агентура, через которую можно будет узнавать последние новости из Восточной Сибири. Во всяком случае, она на это надеялась. Именно надеялась, потому что планировать что-то конкретное на этом этапе было невозможно.

АПЛ «Ясень». Море Баффина к северо-востоку от Канады

Подлодка отошла от острова Унгава, где располагалась лаборатория, на 700 километров и находилась в центре моря Баффина. Она на небольшой глубине двигалась подо льдами на северо-запад в сторону центральных проливов²⁰, чтобы выйти в Северный Ледовитый океан.

Сразу после погружения корабельный врач взял у Дорси анализ крови и провел общий осмотр. Затем ему вкололи антидот. Ученый приходил в себя медленно. Он лежал в медблоке, пристегнутый к кушетке ремнями, без движения, уставившись стеклянными глазами в одну точку на потолке. Медик несколько раз подходил, проверял пульс, светил в глаза фонариком,

---

²⁰ *Островные проливы Мак-Клур, Вайкаунт-Мелвил, Берроу на севере Канады.*

недовольно качал головой, потом отходил к стоящей у стены рабочей станции и долго просматривал файлы, стараясь подобрать лучшую формулу стимуляторов для быстрого восстановления и снятия последствий парализатора.

– Ну что? Как наш пациент? – спросил Лекс через нейрочип.

– Что-то не очень, – задумчиво ответил врач. – Фролов говорит, что сделали инъекцию стандартного полевого парализатора, но реакция мозга чрезмерная. Как будто вкололи лошадиную дозу жесткой наркоты. Периферическая нервная система восстановилась сразу. Рефлексы близки к нормальным. А вот параметры мозговой активности тормозят. Дай мне еще время. Как только разберусь, сообщу.

Медик связался минут через двадцать. Лекс не участвовал в общем распорядке подлодки и большую часть времени проводил в своей каюте, подчищая давнишние хвосты по оконченным проектам его лаборатории. Отложив работу, он тут же прошел в медблок.

– Глянь анализы. Только сделали, – врач протянул ему рабочий планшет. – Вот этот и этот маркеры.

– Блин. Так у него рак мозга, – проговорил генетик и растерянно посмотрел на Дорси.

– Точно. Последняя стадия. А еще в крови обнаружены следы сильного анальгетика²¹. Думаю, именно на него наложилось действие парализатора. Я не спец по онкологии, но моя умная железка говорит, что ему осталось месяца два-три. Если наши из медцентра подключатся, может, протянет еще немного. Но сектанту по-любому конец. А тут мы еще с парализатором. У него сейчас частичная блокировка пораженного участка мозга. Блокада спадает очень медленно.

– Хреново. До базы хоть дотянет?

– Ну теперь, когда я знаю, в чем дело, то могу ему помочь. Протокол мне известен. Препараты есть. Ему нужен активный детокс, кислород и электростимуляция мозга. Я переведу его в интенсивную терапию, подключу к аппаратуре. Думаю, через день он придет в себя. Это все, что я могу.

– Док, сделай все возможное, – Лекс с надеждой посмотрел на врача. – Это важный перец. Он, похоже, у них руководил всей генной программой.

Пока медики возились с ученым, Лекс зашел в кубрик к спецназовцам. Те, отдохнув и сняв стресс после операции, проводили разбор полетов. Кто как действовал, кто куда пошел, кто пошел не туда. Операция, на первый взгляд, прошла успешно, но по виду Фролова нельзя было сказать, что он остался полностью ей доволен.

– Кто, блин, знал, что у них турели еще и на крыше здания? – развел руками один из штурмовиков.

– А глаза ваши где? – командир группы обвел всех суровым взглядом. – Если бы ЭМИ не сработал и пришлось идти напролом, нас бы нахрен покрошили в капусту.

– Ну, те, что на стене, мы сразу заметили. Их бы выбили гранатометами. К тому же если это автоматика, то при таком буране они были бы настроены не на движение, а на тепло. Но у нас блокирующие костюмы, поэтому мы незаметны на общем фоне. А если управляются операторами с вышек, то опять же нас в такую пургу хрен заметишь. Не злись, Кэп. Все ведь прошло на ура. Без единого выстрела. Да и как мы могли рассмотреть турели на крыше здания из-за стены. Дрон ведь по такой погоде не запустишь.

– А выдвижные камеры на что? – недобро сверкнул глазами Фролов.

– В такой буран? На сто метров? Да мне и мысли не пришло их использовать, – отозвался старший одной из штурмовых троек. – Если так подходить, то нахрена мы тогда взрывогенератор тащили? Чтоб электронику пожег. Замки, турели, ПНВ, камеры, мины, всю прочую хрень.

– Зря ты про мины, – укоризненно посмотрел на него один из бойцов.

---

²¹ Обезболивающего.

– О! А про мины я совсем забыл, – подхватил Фролов. – А если б нарвались на мины?

– Ну, точку подхода к забору мы просканировали. Нифига там не было никаких мин. А пространство внутри периметра минировать нет смысла. Сами ученые могли подорваться.

– А если бы был смысл? Это ведь сектанты. Кто знает, что у них в мозгах.

– Ну, блин, если так рассуждать, тогда надо было проводить общевойсковую операцию. Ждать весны, пока сойдут шторма, подогнать «Ясень» с РСЗО²², высадить батальон тяжелой пехоты. Выпустить по лаборатории пару пакетов²³. Затем штурм по всем правилам, – старший штурмовой тройки с видом важного стратега загнул на руке несколько пальцев и умоляюще посмотрел на Фролова. – Босс, хорош мозги клепать. Сделали и сделали. В таких операциях все не учтешь. Часто надо импровизировать. Но мы же спецназ. Хэй-йя! – спецназовец задорно вскинул вверх сжатый кулак.

– Хэй-йя! – нестройно отозвались несколько ребят, пока остальные со скучающим видом наблюдали за перепалкой.

– Хэй-йя! – присоединился к бойцам Лекс, несколько минут слушавший разбор полетов у двери.

– Вот видишь. И Бот тоже «хэй-йя», – улыбнулся старший тройки и повернулся к ученому. – Бот, ты доволен результатами нашего рейда?

– Свою программу я выполнил. Образцы собрал, блоки ИСИНа тоже, бумаги еще всякой куча, ну и важный ученый в виде бонуса.

– Вот видишь, Кэп. Бот доволен. Все довольны. Хорошо ворчать. Пошли лучше пожрем оленины из рационов. Не обратно на склад же все потом сдавать.

– Идите жрите. Волки ненасытные. Я с вами еще на базе разберусь, – махнул рукой капитан и обратился к Лексу. – Как наш сектант? Пришел в себя?

– Пока не очень, – ответил тот, подошел и уселся за стол, на экранную поверхность которого была выведена интерактивная карта лаборатории. – Никак толком в сознание не придет. Парализатор наложился на серьезную патологию головного мозга и обезболивающее.

– Кто ж знал, – пожал плечами Фролов. – Надо было сказать, чтоб просто скрутили старичка. Но с уколом оно всегда вернее и хлопот меньше, – он хмурясь посмотрел на план-схему лаборатории на столе.

– Вас что-то беспокоит? – осторожно спросил Лекс.

– А хрен его знает. Как-то чисто все прошло. Гладко. Охрана периметра закрылась в башнях. Турели не сработали. Мин нет. Все спокойно спят в казарме. Сопротивления никакого. Хоть бы для приличия сигнализацию включили или пострелял бы кто. Так нет – заходите, берите тепленькими. Основное оборудование вывезено. Биоматериала минимум.

– Странностей, конечно, много. Но я бы не забивал голову. Задачу мы свою выполнили. А с остальным разберемся по ходу пьесы.

– Все равно, – покачал головой капитан. – Такое ощущение... непонятное. А тут ты еще говоришь, что сектант никак не очухается. А вдруг у него внутри тварь какая хищная сидит. Вылезет наружу и сожрет нас тут всех. Даже всплыть не успеем. Я фильм один старый смотрел, «Чужой» называется. Так там инопланетная жуткая тварь как раз пряталась внутри человеческих тел. А потом разрывала грудную клетку и всех людей на космическом корабле – под ноль. И мы, типа, сейчас, как на космическом корабле, только под водой. Случись что похуже, сожрет нас всех, и никто не поможет. Жуть...

– Да ну вас, Кэп, – чуть тише, чем обычно, сказал Лекс, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

---

²² Реактивная система залпового огня.

²³ Пакет РСЗО – залп из всех имеющихся на установке ракет.

– Ха-ха-ха! – в голос заржал Фролов. – Да шучу я. Шучу, – потом, резко посерьезнев, наклонился и добавил: – Но внутренности ты ему все-таки просвети.

Лекс, как только вышел из спецназовского кубрика, связался с врачом и попросил сделать Дорси МРТ. Медик, посмеявшись, посоветовал не слушать байки спецназовцев про жутких инопланетян и добавил, что МРТ на борту нет, а вот рентгеновское и УЗИ обследование сектанта уже давно проведены. Ничего опасного у него внутри не обнаружено.

На следующее утро после терапии корабельного врача Дорси понемногу начал приходить в себя. Мозговая активность быстро восстанавливалась. Взгляд стал осознанным. В нем можно было уверенно прочесть человеческие эмоции: испуг и одновременно облегчение. Он все еще был пристегнут к кушетке удерживающими ремнями, но мог свободно поворачивать голову, чтобы осмотреться. Когда сняли кислородную маску, то вполне ожидаемо попросил воды. К вечеру ученый пришел в состояние полной адекватности и был перемещен в одну из находящихся в медицинском блоке изолированных капсул для инфекционных больных. Там он провел ночь, а наутро после осмотра к нему зашел Лекс.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался он, хотя по изможденному и осунувшемуся лицу было и так ясно, что пленник находится не в лучшей форме.

– Хреново, – сильным голосом проговорил Дорси, недобро сверкнув глазами. – Нахрена было меня колоть этой дрянью. Можно было просто руки связать или вообще пригласить по-человечески, словами. Куда б я от ваших закованных в броню вооруженных гоблинов делся.

– Извините, – Радин почувствовал себя виноватым. – У вас давно диагноз?

– Два года. Я хватанул дозу радиации, когда мы облучали биоматериал, чтобы спровоцировать спорадические генные изменения.

– Понятно, – Лекс хотел спросить, знает ли ученый о том, сколько ему осталось, но решил не продолжать разговор на тему, которая явно была ему неприятна. – У вас есть пожелания или просьбы?

– Есть, – Дорси поморщился и приложил ко лбу ладонь, словно пытаясь определить температуру. – Мне нужно обезболивающее, а то я начну на стены бросаться.

– Я поговорю с корабельным доктором. Он контролирует терапию. Уверен, если в вашем состоянии обезболивающее не повредит, вы его получите.

– Верните мне мою одежду. В этих больничных тряпках я чувствую себя голым. И еще... У меня были небольшая записная книжка и ручка. Если можно, верните мне их тоже. Я каждый день веду записи своего состояния и вообще заношу туда свои мысли, пока еще могу думать. Это меня успокаивает. Привычка такая.

Когда ученый закрыл за собой дверь капсулы, то обратился к стоящему у нее постовому моряку:

– Как он себя ведет?

– Спокойный старичок, – ответил тот и включил на стене экран, на который транслировалось изображение с внутренней камеры. – В основном лежит. Иногда садится и делает какие-то дыхательные упражнения. Встает редко. Его шатает сильно. Наверно, слабость или головокружение.

Убедившись, что пленник находится под постоянным наблюдением, Лекс пошел поговорить с врачом насчет обезболивающего.

Следующий разговор с Дорси состоялся через день. Пленник выглядел гораздо свежее и увереннее и был одет в выстиранный и продезинфицированный рабочий комбинезон, в котором его изъяли из лаборатории на Лабрадоре.

– Вижу, вам уже лучше, – поделился своими впечатлениями Лекс.

– Доктор вколол обезболивающее.

– Хотите размяться? Сидеть здесь взаперти не самое приятное.

– Да уж, не самое, – кивнул Дорси. – А что, у вас на лодке есть променады?

– Нет. Просто коридор от медблока метров двадцать. Ноги размять хватит. Только есть одно условие. На вас наденут ошейник с дистанционно управляемым электрошокером. Такие правила.

– Ошейник? Я теперь, типа, ваша собачка? – вздохнул ученый и, покачивая головой, добавил: – Ошейник так ошейник. Надо привыкать к моему новому статусу.

Они вышли в короткий коридор, идущий от одной герметично перекрываемой перегородки между отсеками к другой, и, когда постовой застегнул на шее пленника ошейник с шокером, начали свою необычную прогулку. Коридор был узкий, так, что в нем два человека едва помещались плечом к плечу, поэтому Лекс шел немного сзади.

– Вы давно занимаетесь генетикой? – поинтересовался он.

– Почти сорок лет.

– Я тоже генетик.

– Очень приятно, коллега, – не оборачиваясь, хмыкнул Дорси. – Я это понял по тому, как вы целенаправленно собирали информацию и отбирали образцы. Только мы с вами по разные стороны баррикад.

– Ну почему же. Вы проводите исследования, чтобы приспособить человека к новым экстремальным условиям. Мы тоже движемся в этом направлении. Между нами разница в том, что мы работаем с материалом, выращенным в лабораториях из стволовых клеток, а вы проводите запрещенные эксперименты на людях.

– Да бросьте вы. Запрещенные эксперименты на людях. Вам вдруг стало жалко людей? Их надо было жалеть девяносто лет назад, когда еще можно было остановить глобальное потепление. Их надо было жалеть, когда запущенные правительствами ваших стран пандемии выкашивали или делали бесплодными миллиарды. Вам надо было жалеть людей, когда еще сорок лет назад можно было попытаться спасти всех, а не создавать островки цивилизации и благополучия для избранных. Даже сейчас... Разве вы жалеете тех людей, кто влачит жалкое существование в Пустошах, без воды, еды и лекарств? Разве вы помогаете им ресурсами? Чем они заслужили такую судьбу и такое отношение? Тем, что вы заботитесь о сохранении цивилизации? Да им наплевать на вашу цивилизацию, когда дети умирают от холода и голода. Вы разделили человечество на избранных и обреченных. Так о какой жалости вы говорите?

– В условиях климатической катастрофы Территория была единственным реальным проектом, способным сохранить и развивать достижения человеческой цивилизации, – ответил Лекс заученной со школы фразой.

– И это вы нас называете фанатиками и сектантами? – Дорси с улыбкой развернулся к собеседнику, когда они дошли до перегородки. – Не смешите меня. Вам идеологи Территории вбивают в головы дешевые шаблоны, которые гораздо опаснее наших. Вам говорили о том, что сокращение населения Земли через пандемии – это искусственно запущенный проект, чтобы не допустить давления мигрантов на Территорию? Вы не знали, что в начале века существовала реальная возможность остановить потепление, но правительства ее не использовали, потому что проект «Эдем» был уже запущен. Так что не пеняйте на Лабрадор. Мы хотя бы на словах хотим восстановить планету. Вы же хотите расширить и удержать власть Территории.

– Поэтому чтобы восстановить планету, вы проводите варварские эксперименты над людьми? – Радин решил перевести разговор в профессиональное русло. Он не был силен в идеологических и философских спорах.

– Вы нихрена не знаете о наших экспериментах, – в голосе пленника послышались неприлично жесткие нотки.

– Надеемся узнать больше. С вашей помощью.

– Ну-ну. Как бы вы не пожалели об открытиях, которые вам предстоит сделать в ближайшее время.

Они еще несколько раз прошлись по коридору. Разговор явно не клеился. Про свои исследования Дорси рассказывать пока не хотел. А про историю и причины климатической катастрофы с ним говорить было невозможно в силу идеологической узости его взглядов.

Территория. Новая Москва

Поход домой занял чуть больше двух недель из-за того, что «Ясеню» пришел приказ свернуть в Берингов пролив и зайти в Анкоридж – основные морские ворота обитаемой зоны Аляска. Там подлодка зашла в крытый док, выгрузила несколько контейнеров, приняла на борт партию оборудования и снова вышла в море.

Аляска была совместным проектом США и Канады, которые полвека назад решили воспроизвести концепцию Территории за Западном побережье океана в горной местности на границе с Британской Колумбией. Несколько обширных долин, расположенных южнее Аляскинского хребта создавали зону относительного комфорта. Там вполне удобно разместились около 30 миллионов выживших из тех, кто не попал в «Эдем».

Территория вела интенсивную торговлю и обмен технологиями с этой зоной и рассчитывала в будущем на более плотную интеграцию с ней.

После такого длинного крюка до Тикси добрались без приключений. Однако в порту их ожидала неприятная новость. Лодку и экипаж оставили на дальнем рейде на недельный карантин с ежедневным тщательным медосмотром специальной группой инфекционистов и сдачей многочисленных анализов и тестов. Такая мера была оправданной. Спецназовцы вполне могли подхватить на Лабрадоре какую-нибудь заразу с длительным инкубационным периодом и передать ее экипажу. К всеобщей радости, после семи дней пристального наблюдения никаких отклонений выявлено не было и «Ясеню» дали добро на заход в порт и швартовку.

За время похода и карантина погода над Территорией радикально изменилась. Циклон, бушевавший несколько недель, ушел на восток, и над всем Среднесибирским плоскогорьем снова раскинулась зона высокого давления со звенящими морозами под –30 и ясными звездными ночами. Правда, почти идиллическую картину портил устойчивый северный ветер, гоняющий по долинам не успевший слежаться колючий снег, выпавший во время последнего бурана. Но такая мелочь не была помехой для всепогодной авиации. Поэтому Лекс со спецназовцами от Тикси до столицы добрались за несколько часов на военном транспортнике.

На аэродроме их встретила группа сотрудников Службы безопасности Территории. Они приняли доктора Дорси для «проведения необходимых следственных действий» и сообщили, что у Академии наук через несколько дней будет к нему полный доступ. Лекс не очень разбирался в юридических процедурах, касающихся похищенных иностранных граждан, поэтому загрузил криоконтейнеры с образцами в присланную за ним машину и отправился в лабораторию, где его ожидал Швабе.

– Поздравляю с боевым крещением, мой юный друг, – тот восхищенно потряс Ради́на за руку. – Читал ваши отчеты. Читал. И отчеты командира группы тоже. Настоящая боевая операция. ЭМИ, взрывы, штурмовики в экзоскелетах. Угрюмые сектанты в мрачной бетонной лаборатории. Это достойный сюжет для фильма.

– Ну, сектанты были не совсем угрюмые, – Лекс хотел было рассказать о минах, турелях и застрывшей на вышках охране, из-за которых вся операция могла превратиться в мясорубку с морем крови и кучей трупов, но не стал разочаровывать старика. – Они вообще-то такие же, как мы. Только выживают в более сложных условиях.

– Ладно-ладно. Не прибедайтесь. Вы настоящий герой. Вся Академия гордится вами. Главное, вы привезли образцы и блоки искусственного интеллекта. Теперь мы сможем попытаться разобраться, что они там замышляют.

– С нами еще и их ведущий ученый, – добавил Лекс.

– Знаю, – задумчиво потерев подбородок немец и подключился к нейрочипу. – Доктор Дорси. Мы уже навели о нем справки. Личность он довольно неоднозначная. В наших

базах на него ничего нет. А вот у американцев – целое досье. Родился в 21-м в Балтиморе в семье банкира. В университете присоединился к радикальному экологическому движению. Несколько раз задерживался за незаконные акции против госучреждений. Получил условный срок. Все это не помешало защитить научную степень по молекулярной биологии и опубликовать десяток противоречивых работ. В 50-м году пропал с радаров. В 53-м в самом начале катастрофы ФБР накрыло тайную биологическую лабораторию, где проводились генетические эксперименты с микроорганизмами. Думали, что биологическое оружие. Но нет. Оказалось, что там работали над созданием искусственных синтетических бактерий по заранее заданным генным матрицам, разработанным нейросетью. Возглавлял эту тайную лабораторию Дорси. Такие эксперименты по созданию искусственной жизни были запрещены международной конвенцией и законами США. За нарушение ему грозило лет пять-семь за решеткой, но срок он не получил. Даже суда не было. Всю лабораторию перехватил научный отдел ЦРУ. С тех пор о нем никакой информации нет. Когда мир начал рушиться, Дорси объявился в Лабрадоре. Наверно, откликнулся на призыв тамошней королевы Августы, собравшей под своим крылом всякий псевдоученый сброд. С тех пор о нем ничего неизвестно. И вот теперь он всплывает во время вашего рейда.

– Очень увлекательная история, – согласился Лекс.

– Она не кажется вам странной? – чуть прищурившись, посмотрел на него профессор.

– Странной? А что в ней странного? В то время американские университеты были рассадником «зеленых» и всякой прочей либеральной мути. Многие радикализировались. Тайные частные лаборатории, работающие в нарушении закона, тогда были не редкость. Оттуда пошли и пандемии, и новые наркотики, и мутанты всякие. И то, что такие лаборатории подгребали под себя спецслужбы, тоже не секрет.

– Все это так. Но я не об этом. Понимаете... Он генетик-микробиолог. Его специализация – микроорганизмы. А мы отправили спецназ в рейд на лабораторию в Лабрадоре потому, что получили информацию о проведении там исследования по генной модификации человека. Причем работы уже в финальной стадии.

– Нестыковка действительно есть, – задумчиво проговорил Лекс. – Но Дорси мог переqualificироваться. Или в этом проекте могут быть как-то завязаны микроорганизмы?

– Может быть. Может быть, – неуверенно пробормотал Швабе. – А может, здесь что-то еще. В любом случае пусть с ним пару дней поработает СБТ²⁴, а потом его передадут нам.

– Вы чего-то опасаетесь?

– Конкретных поводов опасаться нет. На патогены его и весь экипаж проверили. Я читал сводку корабельного врача и результаты карантина. Анализы полные. Они исключают наличие известных инфекций и их модификаций.

– Вы думаете, он носитель вируса? – удивился Радин. – Что-то вроде живого биооружия?

– От сектантов всего можно ожидать. Но он чист, – развел руками Швабе. – Если бы и был какой-то патоген, то он за три недели себя бы уже проявил. И вы, и экипаж тоже чисты. Это подтвердил недельный карантин.

– Тогда не вижу причин для беспокойства.

– Я пока тоже. Будем ждать новостей от СБТ и личной встречи с Дорси. Интересно, о чем он нам поведаст. К тому времени как раз будет готов анализ привезенных вами биоматериалов.

После этого короткого разговора Лекс передал образцы в лабораторию для генетического анализа. Блоки ИСИНа ушли в Центр кибербезопасности Территории. Там они будут безопасно вскрыты, дезинфицированы, данные извлечены и подготовлены для работы. Покончив с делами, он созвонился с Татьяной и договорился о встрече.

Рабочий день подходил к концу. Она как раз заканчивала читать по сети последнюю лекцию студентам из других секторов. Несмотря на опустившуюся темноту, они решили прогу-

²⁴ Служба безопасности Территории.

ляться и, одевшись в термокостюмы, отправились на электропоезде за город на свою любимую смотровую площадку.

Даже в мороз и пронизывающий ветер на площадке было довольно оживленно. Почти все скамейки и беседки оказались заняты. В самом центре под стеклянным колпаком работал мощный термоэлемент, создавая подобие костра и предоставляя возможность желающим погреться. У него как раз собралась группа школьников, путь которых лежал чуть выше, к учебной обсерватории. Несмотря на термокостюмы с подогревом, ребята тянули руки к теплу и вполголоса, чтобы не мешать остальным, перебрасывались короткими репликами. С порядком на Территории было строго. Детей с детства приучали к дисциплине, коллективизму и умеренности в потребностях, ведь только вместе, объединенными одной целью победы над стихией можно было не только выжить, но и процветать во времена климатической катастрофы.

Лекс с подругой нашли свободную скамейку на самом краю площадки, сгребли наметенный ветром снег и присели, вытянув ноги в толстых дутых зимних сапогах. Внизу, в долине, тусклым, едва пробивающимся через затемненные стекла светом мерцали кубы зданий научного кластера, похожие из-за горящих вразнобой окон на QR-коды. За ними небо подсвечивало зарево огней над Новой Москвой, находящейся километрах в пятнадцати к северо-востоку.

Почти два десятка реакторов обеспечивали Территорию избыточным количеством электричества, поэтому энергию не экономили. Особенно в зимнее время, когда солнце поднималось над горизонтом всего на пару часов, а все остальное время Восточно-Сибирское плоскогорье было погружено в темноту. Свет и тепло были основными факторами, позволявшими людям благополучно переживать суровые зимы. Хотя старики рассказывали, что до катастрофы климат здесь был еще более жесткий. В январе-феврале температуры нередко опускались ниже 40, снежные наносы доходили до крыш, а короткое лето не давало земле прогреться настолько, чтобы мог вырасти урожай. Но это было давно. Лет семьдесят назад.

– Я скучала, – Татьяна, откинув щиток капюшона, прижалась к Лексу. Ветер дул в спину и почти не касался лица. В термокостюме было тепло и комфортно.

– Я тоже. Он обнял подругу за плечи.

– Ты когда-нибудь расскажешь, как все прошло?

– Когда-нибудь расскажу. Сейчас нельзя. Секретная операция. Подписка о неразглашении.

– Понятно, – разочарованно вздохнула девушка. – Как они там живут на Лабрадоре? Говорят, они религиозные сектанты.

– Люди как люди. Скорее, не живут, а выживают. Технологический уровень их колонии очень низкий. Это видно по одежде из старых запасов, по тому, как они добывают энергию, по старому оружию, по скудным рационам. Бедно они живут. Гораздо хуже, чем мы.

– Поэтому Высший Совет Территории планирует ассоциировать все обитаемые зоны?

– Может, поэтому. А может, потому что хочет контролировать всех в Северном полушарии. Я иногда думаю, а справедливо ли то, что мы здесь делаем. На каком основании сорок лет назад принималось решение, кто будет гражданином Территории и выживет, а кто – нет?

– Я об этом не думаю, – вздохнула Татьяна. – Что случилось, то случилось. Мы здесь, а не в Пустошах. Мы выжили, а не погибли от болезней, голода, жажды или от пули бандитов. Это все, что мне надо для счастья. А еще мне нужен ты, она отодвинула край капюшона и поцеловала Лекса в щеку.

– А мне нужна ты, – Лекс крепче прижал ее к себе и на секунду тоже почувствовал себя счастливым. Но это мимолетное ощущение быстро рассеялось, уступив место необъяснимой тревоге и сомнению.

Завтра будут готовы ДНК карты, доставленных им образцов и, возможно, ситуация с исследованиями на Лабрадоре прояснится. Тогда он сможет отвлечься от назойливых вопросов, которые стали появляться у него после разговоров с Дорси.

* * *

Как и ожидалось, результаты генетического исследования биоматериала пришли из лаборатории к началу рабочего дня. Сотрудники Лекса загрузили данные в суперкомпьютер, где за их изучение взялся специально настроенный искусственный интеллект. К обеду он выдал отчет, который вызвал у ученых чувство глубокого разочарования и недоумения.

Образцы ДНК эмбрионов и крови девушки из Лабрадора полностью соответствовали стандарту с небольшими отклонениями, вызванными, скорее всего, облучением небольшими дозами радиации. В них не было ни серьезных мутаций, ни маркеров искусственного редактирования генома, ни следов ускоренной селекции организма. Некоторые изменения по сравнению с эталоном, конечно, наблюдались. Но они были в рамках допустимой нормы – так называемого «нового генного стандарта человека». Это был новый протокол, фиксирующий отклонения, появившиеся в геноме людей в середине века в результате контакта с десятком вирусов и вакцин, изменения состава атмосферы и деградации общих условий внешней среды.

Получалось, что из биологической лаборатории на Лабрадоре Лекс привез два обычных человеческих эмбриона и несколько пробирок крови, взятой у обычной, находящейся в искусственной коме девушки.

– Ничего не понимаю? – Швабе оторвал взгляд от экрана и в недоумении поскреб короткую бородку. – Неужели они успели оттуда все вывезти? Но откуда они знали, что мы готовим рейд?

– Мы собрались очень быстро, – ответил Лекс. – От получения приказа до штурма лаборатории прошло полторы недели. При такой погоде за это время эвакуировать полноценно действующую лабораторию невозможно. Биореакторы находились на месте. Значит, они вывезли только материалы и оставили нам пустышку.

– Надо сообщить об этом СБТ. Заодно уточню, что они узнали от Дорси, – профессор на несколько секунд умолк, связываясь с кем-то по нейрочипу, потом вернулся к разговору. – Курирующий офицер принял информацию. Сказал, что будут думать. Дорси на беседах ведет себя адекватно, хотя и излишне эмоционально навязывает всем свое видение мира. Сказывается влияние идеологии экологических радикалов. А вот с объективными методами допроса возникли проблемы. Нейрополиграф выдает сумбур. Причем каждый раз разный. Спецы СБТ говорят, это из-за повреждений мозга, вызванных опухолью, или из-за сильных обезболивающих опиатов, которые могут влиять на нервные реакции. Стимуляцию препаратами использовать врачи не рекомендуют, боясь необратимых летальных нарушений работы мозга, которые могут возникнуть из-за опухоли. Получается, что проверить правдивость его слов сложно.

– Что он конкретно говорит про исследования? – поинтересовался Лекс.

– Сейчас я по нейрочипу переishлю вам отчет. Там всего пара страниц. Давайте возьмем паузу и внимательно его прочитаем.

Отчет куратора СБТ оказался самым общим. Дорси сообщал, что в лаборатории ведутся исследования по усовершенствованию генома человека с тем, чтобы сделать его менее восприимчивым к агрессивной среде. Методики используются разные. В геном внедряются элементы ДНК земных организмов, способных повысить сопротивляемость холоду, жаре, недостатку воды и пищи, дать возможность замедлять или ускорять обмен веществ. Цель: создать человеческий организм, который бы при сохранении интеллектуальных способностей мог без поддерживающей инфраструктуры успешно выживать в суровых условиях Пустошей и расселяться по всей планете за пределами зон обитания. Исследования ведутся в основном на клеточном материале с применением виртуального моделирования. Эктогенез используется только для проверки наиболее перспективных направлений. Результаты обнадеживают. Моделирование выделило несколько ДНК-линий, по которым реально изменить человека и создать

существо с заданными характеристиками. По плану на доработку понадобится год. После этого срока можно будет вырастить первый прототип.

– Вы посмотрите на эту мешанину, – возмутился Швабе. – Они пытаются создать химеру, внедряя в геном человека мешанину из фрагментов ДНК существ, с которыми он несовместим. Насекомые, земноводные, устрицы, низшие млекопитающие. Чушь! Этого не может быть. Нельзя создать жизнеспособный организм, намешав в него кучу произвольно взятых фрагментов.

– Я бы не делал столь однозначных выводов, – рассматривая ДНК-карту эмбриона на экране, проговорил Лекс. – Горизонтальный перенос²⁵ никто не отменял. Мы уже сейчас знаем больше 140 генов в нашей молекуле ДНК, которые попали к нам от самых разных чужеродных организмов вроде вирусов, грибов или простейших хордовых.

– Насчет горизонтального переноса полностью с вами согласен, коллега. Это неопровержимый факт. Но для того чтобы он был успешным, нужен долгий эволюционный процесс. Миллионы, а то и десятки миллионов лет. А тут на тебе – пару десятилетий экспериментов, и через год они готовы выйти на живой прототип с заданными характеристиками. Чушь! Откровенная псевдонаучная чушь.

– Возможно, они разработали методику ускоренной селекции.

– Сомневаюсь. Я бы серьезно отнесся ко всему этому, если бы они взяли один параметр и целенаправленно били в него. Вот, допустим, резистентность к холоду. Тут я могу предположить, что реально создать совместимый генотип. Шерстяной покров, толстая изолирующая прослойка жира, измененный метаболизм. Но у них десяток целевых параметров. Это десятки тысяч точек редактирования генома. А совместимость? А взаимоисключаемость? А непредсказуемость мутаций? Нет, коллега, это – чушь. Полнейшая чушь.

– Данные из киберцентра пришли? – поинтересовался Лекс.

– Кстати, да. Данные из киберцентра пришли? – профессор задал вслух вопрос и тут же от одного из научных сотрудников лаборатории получил ответ на нейрочип. – Прекрасно. Они уже на нашей рабочей станции, – он коснулся нескольких иконок на поверхности стола, и на экране возникла серия окон с информацией, извлеченной из жестких дисков и баз данных, изъятых спецназовцами из лаборатории на Лабрадоре. – Да. Тут понадобится время, чтобы разобраться. Пару недель точно. Давайте поступим так. Сбросим все это вашим сотрудникам. Пусть досконально изучают страницу за страницей, а сами возьмем время до вечера и бегло просмотрим весь материал с фокусом на практических исследованиях. Мне надо к концу дня представить отчет в Академию. Не писать же, что сектанты нас обвели вокруг пальца и что рейд прошел впустую. Соберемся у вас в кабинете в конце дня часов в пять и все обсудим. Если есть что-то интересное, мы это сразу нащупаем.

– Согласен. Если мы сейчас начнем детальный анализ этого массива, то зависнем надолго.

Они разошлись по разным кабинетам и принялись просматривать привезенный с Лабрадора материал в попытке разобраться в этой становящейся все более запутанной истории.

До конца дня Швабе не выдержал. Уже через час он связался с Лексом, кипя от возмущения.

– Если это рабочая документация генетических исследований, то я старый ржавый тостер. Эта писанина больше похожа на вырезки и перепечатки из старых научных журналов. А отчеты! Вы видели их отчеты? Это чистый плагиат экспериментов, которые проводились полвека назад, дополненный вставками вымышленных параметров, методик и невозможных результатов.

---

²⁵ Процесс, когда генетическая информация передается от организма к другому организму, который не является его потомком или даже не принадлежит к его биологическому виду.

– Документация действительно выглядит довольно странно, – согласился Радин. – Похожа на сборную солянку из вырванных из контекста компонентов.

– Коллега! Я запрещаю вам ставить вкуснейшее русское блюдо в один ряд с этими псевдонаучными помоями! – возмутился профессор. – Мне все ясно. Нас сектанты обвели вокруг пальца. Не вижу смысла изучать материал дальше. Готовьте кофе. Через пару минут я буду у вас в кабинете.

Немного удивленный такой бурной реакцией обычно вдумчивого и сдержанного руководителя Лекс попросил секретаря приготовить кофейный напиток и принести пару бутылок минерализованной воды. Профессор задержался минут на пять, потому что делал какие-то распечатки на бумаге. Он вошел в кабинет и помахал несколькими листами в воздухе.

– Вот! Вот что лежит прямо на поверхности. Это мне сразу бросилось в глаза. Это, – он положил один листок перед Лексом. – Это обзорная публикация по модификации клеточных структур профессора Ичино Тагаки в *Nature Genetics*²⁶ за 2043 год. А это описание методики одного из экспериментов из биолaborатории Лабрадора. Они просто скопировали несколько страниц, даже не потрудившись изменить текст. Но самое главное – результаты серии их экспериментов. Вы только посмотрите! Внедрения в редактируемый участок генома последовательности инородной ДНК, отвечающей за гибернацию²⁷. Это что, ремонт одежды? Взяли один кусок, пришили сюда, и все срослось. А их не смущает то, что фосфодиэфирные связи²⁸ у этих участков имеют разную валентность и ни при каких условиях не могут соединиться?

– Да. Выглядит не совсем научно, – Радин сравнил тексты на двух листах. – Может, какая-то новая технология?

– Какая технология? Вы о чем, коллега? – Швабе, махнув рукой, уселся в кресло напротив. – Вы видели их оборудование? Вы видели этого Дорси? Оборудование – старье. Руководитель работ – шарлатан. К тому же микробиолог и к редактированию генома человека, судя по профилю, не имеет никакого отношения. Это для работы с микроорганизмами достаточно пару пробирок и спиртовой горелки. А человек – это о-го-го! Я, конечно, утрирую, но для манипуляций со сложным геномом нужно серьезное, гораздо более совершенное оборудование и навыки. Особенно для экспериментов с целостными организмами. А они замахнулись на эктогенез! С их-то биореакторами. Да что я вам объясняю. Вы и сами все понимаете.

– Выходит, штурм лаборатории был проведен напрасно, – Лекс вопросительно посмотрел на профессора.

– Ну, почему напрасно. Академия показала, что по запросу может организовать научную экспедицию в отдаленные зоны с привлечением военных ресурсов. Территория показала Лабрадору, что в любой момент может до него дотянуться. Наконец, вы, мой друг, приобрели бесценный опыт полевого выхода и боевого контакта в составе штурмовой группы. Теперь я могу вас свободно посылать на юг в Пустоши для сбора биоматериала у сквотеров и кочевников. А если серьезно, то мы свою работу сделали. Рейд планировала Академия, согласования шли на самом верху с Администрацией Территории и военного начальства. Какие разведданные привели к такому решению, мы не знаем. Так что я сейчас напишу короткий отчет о том, что, по предварительным данным, все это не стоит и выеденного яйца, но для детального изучения материала нужно еще некоторое время. Предполагаю, что на этом мы потихоньку и свернем наш маленький проект.

---

²⁶ Специализированный журнал по генетическим исследованиям.

²⁷ Глубокая форма оцепенения организма, при котором метаболизм падает ниже 5%, а большинство физиологических функций максимально замедлены или прекращены (например, зимняя спячка некоторых млекопитающих и земноводных).

²⁸ Механизм, участвующий в соединении фрагментов нуклеиновых кислот.

– Я вот тут подумал, – Лекс неуверенно помял подбородок. – В лаборатории, когда мы уже собрали образцы и жесткие диски, Дорси сказал, что ничего мы там не найдем и что все основное у него в голове.

– Прямо так и сказал? – профессор недоверчиво посмотрел на молодого ученого.

– Так и сказал, – кивнул тот. – Поэтому мы его с собой и притащили.

– Хм... Хорошо. Поступим так. Мне здесь больше делать нечего. Я сегодня отправлю отчет и завтра утром вылетаю к себе в сектор. Погода хорошая. Вертолет мне Академия организует. Хотя на поезде трястись не придется. В отчете я укажу, что вам необходимо поработать с Дорси и попрошу санкцию СБТ. Побеседуйте с ним. Может он что-нибудь серьезное вам и расскажет. Если надо разговорить, смените обстановку. Несмотря на радикализм взглядов, человек он, похоже, безобидный и опасности не представляет. Уверен, куратор не будет возражать, потому что вы как ученый можете потянуть с него и данные о состоянии дел в Лабрадоре. Это будет полезная информация в свете ассоциации, которую затевает Территория. Так что у вас есть все шансы плотно пообщаться с этим шарлатаном.

На следующее утро Лекс связался с куратором из СБТ. Он уже получил доклад Швабе, а также инструкции от начальства передать Дорси ученым для дальнейшей разработки, если тот не представляет опасности. По всем признакам, пленник опасности не представлял, но в СБТ решили подержать его у себя еще день. На этот раз следователи планировали провести несколько бесед в режиме допроса в надежде, что под давлением проявятся какие-нибудь важные зацепки. Их можно было понять. Работы у Службы безопасности Территории было немного ввиду организованности и упорядоченности всех аспектов жизни, а также тотального контроля, осуществлявшегося за гражданами через нейрочипы. Поэтому такой необычный, даже экзотический экземпляр, как Дорси, привлек к себе много внимания.

Впрочем, допросы с применением жесткого психологического давления ничего не дали. Как только сектанта выводили из зоны комфорта, он начинал жаловаться на головную боль и замыкался в себе, отказываясь отвечать на вопросы и никак не реагируя на угрозы и страшилки следователей. Его реакция была вполне понятной. В сопровождающем пленника медзаключении говорилось, что из-за прогрессирующей опухоли головного мозга жить ему осталось от силы пару месяцев.

Судя по поведению, Дорси с этим фактом смирился и ему, по большому счету, было наплевать на то, что вокруг него происходит. Лишь бы кололи обезболивающее. Как раз на это и рассчитывали следователи, планируя следующий этап работы с сектантом. После того как он проведет пару дней с Лексом, они собирались сделать еще один заход, постепенно снижая дозировку опиатов, чтобы таким образом заставить пленника говорить под страхом нарастающей боли. Все с разрешения врачей, конечно.

Дорси провел в СБТ сектора почти три дня. За это время ему сделали еще один полный цикл анализов и тестов, которые, как и все предыдущие, не выявили никаких опасных патогенов. Ученого порядком утомили дотошные следователи и нудные беседы, поэтому он был рад, когда его передали Лексу, соблюдая при этом все меры предосторожности. На шее у пленника был закреплен диск с электрошокером и мобильным устройством контроля обстановки. Устройство было завязано на оператора, который через микрофоны и камеры мог следить за всем, что происходит вокруг, и в случае необходимости нейтрализовать подконтрольный объект электрическим разрядом. У Лекса тоже был пульт от шокера, которым он мог в любой момент воспользоваться. К тому же с ошейником был совмещен микродрон, дающий оператору внешнюю картинку. С такими мерами безопасности можно было не опасаться, что от сектанта исходит хоть какая-то угроза.

– Ну что. По вашему кислому виду я вижу, что у вас ничего не вышло ни с образцами, ни с компьютерным железом, – вместо приветствия с довольным видом заявил Дорси.

– Почему же. У нас сложилось вполне конкретное мнение, что никаких серьезных исследований вы не проводите. А значит, и опасности не представляете, – стараясь выглядеть безразличным, ответил Радин. Они двигались в научный кластер в пассажирской капсуле внутри прозрачной трубы вакуумной магнитной дороги.

– Да? А зачем же тогда вы меня забрали от следователей? Значит, хотите, чтобы я помог вам во всем разобраться. Я же говорил, что вся информация здесь, – ученый красноречиво постучал себя пальцем по лбу, как и в тот раз в лаборатории на Лабрадоре.

– Заставить мы вас не можем. Но если у вас будет желание, то я готов обсудить ваши, так сказать, исследования. А забрал я вас чисто из гуманитарных побуждений. Хочу, чтобы вы посмотрели на то, как мы здесь живем, другими глазами и поняли, что 50 лет назад это был, пожалуй, единственный эффективный путь спасти цивилизацию.

Лекс рассчитывал, что пленник сейчас разразится тирадой об экосправедливости, миллиардах загубленных жизней и коварстве тех, кто создал Территорию, но тот, вопреки ожиданиям, с готовностью согласился.

– Да я и из окна этой капсулы все вижу. Живете вы здесь хорошо. В тепле и достатке. Технологии двигаете, науку. И космодром у вас, и флот. И армия. Мы, по сравнению с вами, дикари. Конечно, хотелось бы увидеть больше, может, тогда я поменяю свое мнение о вас как о паразитах, разрушивших планету. Может, тогда и раскрою все мои тайны.

Удивленный такой реакцией Лекс быстро связался по нейрочипу с куратором. Тот сообщил, что пленнику можно показать научный кластер и окрестности.

– Думаю, это можно устроить, – вслух сказал Лекс. – Давайте изменим план. Мы вначале прогуляемся по кластеру, потом выедем за город, чтобы вы полюбовались видом зимней природы. А потом я вам покажу свою лабораторию и расскажу в общих чертах, чем мы там занимаемся. Я ведь тоже генетик и работаю над проблемой изменений в геноме, вызванных агрессивной окружающей средой.

– Хороший план, – согласно кивнул доктор Дорси. – Только давайте вначале на природу. А потом в кластер и лабораторию. Погода великолепная. У нас так ясно редко бывает. Мы на стыке двух океанов. Зимой и летом постоянная непогода, ураганные ветры, осадки, а в затишье туманы. Серость, в общем. А вы в глубине материка. Климат здесь до сих пор резко континентальный. Почти рай. Так что давайте на природу. Воздуха хочу глотнуть свежего напоследок. Морозного.

– Хорошо. Давайте вначале на природу, – согласился Лекс.

Добравшись до научного кластера, они выбрали себе на вокзале в центре экипировки термостюмы и пересели в электропоезд, идущий на запад сектора. Отъехали несколько километров и сошли на станции, где расположена смотровая площадка, которую облюбовали для встреч Лекс и Татьяна. Под присмотром тихо жужжащего в нескольких метрах над ними микродрона прогулочным шагом прошли вверх по расчищенной от снега и посыпанной гранитной крошкой дорожке. Дорси иногда останавливался и делал в своей записной книжке короткие заметки. Лекс хотел было поинтересоваться, что он там пишет, но, судя по тому, как ученый каждый раз поворачивался к нему спиной, словно боясь, что тот подсмолит, решил, что там что-то личное. В любом случае если СБТ оставило ему и ручку, и блокнот, значит, опасаться было нечего.

На смотровой площадке в середине рабочего дня было пусто. Они уселись на скамейку с видом на кластер, за которым в легкой зимней дымке просматривались высотки Новой Москвы. Лекс достал две термочашки с горячим шоколадом и протянул одну Дорси.

– Только не говорите, что вы выращиваете здесь какао-бобы, – повернулся к нему тот после того, как с удовольствием сделал глоток горячего напитка.

– Выращиваем. Только не сами растения, а клеточную культуру, которая после обработки превращается в почти настоящий какао или шоколад. То же самое с кофе, мясом, зерновыми,

овощами. У нас, конечно, есть фермы с настоящими растениями и животными. Но их производство очень дорого, поэтому продукция поступает в оборот весьма ограниченно по специальным карточкам.

– Наверно, руководство-то ест все натуральное? – с хитрой улыбкой спросил Дорси.

– Не знаю. Может и ест. Во всяком случае, к определенному количеству натуральных продуктов здесь каждый имеет доступ. В основном люди стараются получать их по праздникам. Денег на Территории нет. Все товары распределяются более-менее равномерно по индивидуальным квотам.

– Это как?

– У каждого человека своя квота, свой рацион, рассчитанный по количеству калорий. Еда плюс напитки, кофе-чай, одежда, развлечения. Например, у меня дневная квота 2200 калорий, 2 чашки кофе или горячего шоколада, 4 чашки чая, литр сока и 0,5 литра слабоалкогольных напитков. Вода бесплатно любом количестве.

– О! Так у вас есть алкоголь, – оживился доктор.

– Крепкого нет. Но пиво, вино, коктейли всякие – это есть. Все синтетическое, но старики говорят, что от натурального не отличить. Крепкий алкоголь возят контрабандой с юга с серой зоны между Территорией и Пустошами.

– А я у себя в лаборатории спиртик перегоняю. Чтоб не скучно было сидеть у черта на куличках.

– У нас за это садят. И надолго.

– Да-а, – протянул Дорси, отхлебнув горячего шоколада. – Хотя и порядки у вас, как в армии или на зоне, но зато все всем обеспечены. Как вы думаете жить дальше? Планета продолжает нагреваться. Не исключено, что лет через пятьдесят здесь тоже будет пустыня. Что тогда?

– Академия наук Территории работает над тем, чтобы остановить потепление и изъять из атмосферы парниковые газы. Это их приоритет. Несколько методик вышли на заключительную фазу испытаний.

– Работаете, значит, – хитро улыбнулся Дорси. – Ну-ну. Только тут железом и установками всякими не поможешь. Для того чтобы изъять парниковые газы и восстановить атмосферу, нужно глобальное, кардинальное решение.

– Возможно, – пожал плечами Радин. – Я не климатолог. У меня другая сфера исследований. Вот вы микробиолог, а занимаетесь экспериментами с человеческим геномом. Как так вышло?

– Давайте об этом позже. Не будем портить красоту момента. Посмотрите, какая вокруг природа. Солнце, снег, лес.словно и нет катастрофы. Даже не хочется думать о том, что для возрождения планеты это все должно исчезнуть.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Лекс.

– Мы живем в эпоху массового вымирания. За последние 70 лет экосистема планеты потеряла почти половину видов. А животных и растений так вообще выкосило три четверти, если не больше. Ведь когда мир накрыла климатическая катастрофа, никто ничего не считал. Такие вымирания случались в истории Земли не раз и не два. Разница лишь в том, что на этот раз катастрофу спровоцировали мы сами, живущие на ней существа. Хотя нет. Тут я не прав. Был еще один случай, когда живые организмы привели к полному вымиранию существующей экосистемы. Это произошло на заре жизни 2,5 миллиарда лет назад. Тогда доминирующим видом на Земле были прокариоты – примитивные анаэробные одноклеточные организмы, получавшие энергию от химических реакций и бескислородного фотосинтеза. Эти микроорганизмы царствовали на планете несколько сотен миллионов лет, пока не появились цианобактерии. В основе их жизнедеятельности лежит фотосинтез, при котором они перерабатывают энергию Солнца, поглощая из атмосферы углекислый газ, а возвращая кислород. Этот метод

получения энергии оказался в эволюционном плане более эффективным, поэтому цианобактерии начали лавинообразно распространяться по планете, постепенно меняя состав атмосферы. Проблема была в том, что в насыщенной кислородом атмосфере прокариоты не могли существовать и почти полностью вымерли. Так что человек не первый вид, меняющий состав атмосферы и провоцирующий вымирание.

– Очень поучительная история. Только запоздалая.

– Так я продолжу, – Дорси отмахнулся от подлетевшего слишком близко микродрона, как от назойливой мухи. Тот ловко увернулся и завис где-то сзади на почтительном расстоянии. – После каждого вымирания на смену одному доминирующему виду приходил другой. Прокариотов сменили цианобактерии, динозавров – млекопитающие. Эволюция как бы начала все с нуля. Ну, или почти с нуля. Вот и сейчас для того, чтобы выжить в новых условиях, нужен новый вид, способный перезапустить эволюционный процесс.

– Вы о новом человеке, над которым работала ваша лаборатория? – осторожно поинтересовался Лекс.

– Может и о нем, – уклончиво ответил Дорси. – Мы лишь часть меняющейся экосистемы. Но вместо того, чтобы меняться вместе с ней, мы стараемся сохраниться, законсервировав себя в своем искусственно созданном мире, – он показал рукой в сторону научного кластера и Новой Москвы.

– У вас есть решение?

– Не знаю. Будущее покажет. Я вижу, вам не терпится перевести разговор в профессиональное русло. Пойдемте быстро осмотрим научный кластер, и к вам в лабораторию. Там предметно и поговорим.

Довольный таким раскладом Лекс допил горячий шоколад, помог доктору подняться со скамейки, и они направились вниз к остановке электропоезда.

Когда они добрались до научного кластера, короткий зимний день уже закончился. На сопки опустились сумерки. Электропоезд медленно спускался с возвышенности, давая возможность стоящей спереди реактивной турбине сдуть с рельс снег, нанесенный за несколько часов ветром. Вид из окон был впечатляющий. Урезанные, словно вырастающие из скального массива кубические строения, усеянные россыпью затемненных тонировкой окон, соединенные светящимися стеклянными трубами переходов, выглядели, словно блоки гигантского компьютера, усердно работающего над сложной задачей. Кластер сиял внешней подсветкой зданий. Лучи мощных ламп, установленных внизу, отражались от зеркальных, покрытых тонированным стеклом стен в темноту, создавая эффект, схожий с блеском темного бриллианта.

– Я вижу, вы не жалеете электричества, – отвернувшись от окна, сказал Дорси.

– У нас больше трех десятков атомных реакторов. Энергии хватает и на города, и на промышленность, и на фермы.

– На юг в Пустоши поставлять не пробовали? Там люди, небось, верблюжий помет жгут, чтобы согреться.

– Не пробовали, – Лекс не стал злиться на язвительную шутку. – У нас по Территории проложена инфраструктура. Выхода на юг нет. Но мы предоставляем поселенцам в серой зоне, граничащей с нами, солнечные батареи и ветрогенераторы. Там полупустыня. Хоть редко, но встречаются оседлые сквотеры. Выращивают верблюдов, коз. Мы им помогаем.

– Как великодушно, – ученый снова отвернулся к окну. – Пока они ютятся в пещерах и заброшенных, занесенных песком городах, вы кайфуете в роскошных квартирах.

– Ну, насчет роскошных квартир – это сильный перебор. Молодежь у нас живет в общежитиях. Те, кто постарше, или семейные получают отдельную комнату. 12 метров на человека. Жилые комплексы у нас модульного типа. В любой момент пространство можно перестроить под любую площадь и конфигурацию. Есть, правда, и элитные кварталы для тех, кто был инве-

стором в «Эдем». Там ограничений нет. Семья может занимать целый этаж с собственными зимним садом, бассейном и спортзалом.

– Ого! Так у вас все же есть неравенство. Может они и не работают?

– По условиям инвестиционного договора они могут не работать. Но все услуги получают наравне с остальными. Я знаю нескольких инвесторов, вернее, их детей. Все работают. Кто в науке, кто в администрации.

Электропоезд медленно вкатился в огромное крытое помещение вокзала. Они сдали на стерилизацию термокостюмы, прошли к ближайшей линии, ведущей к одному из зданий, и, встав на дорожку траволатора²⁹, вместе с остальными пассажирами поплыли по стеклянной трубе.

Экскурсия была недолгой. Изнутри кластер не производил такого впечатления, как с высоты, когда они спускались с сопков. Поэтому, покатавшись между научными центрами, Лекс пригласил пленника перекусить в одном из нескольких кафе, расположенных на верхнем этаже самого высокого здания. Оттуда открывался лучший вид на кластер. На верхних уровнях почти всех зданий в Территории располагались зоны рекреации. Это были обширные, наполненные воздухом и светом пространства высотой в несколько этажей с прозрачным потолком и стенами, с обильной зеленью, фонтанами, дорожками для прогулок и площадками для физических упражнений.

Кок только они вошли в зону рекреации, Дорси остановился и замер с открытым от удивления ртом.

– Бог мой... – тихо проговорил он. – Это настоящий рай. На улице –25, а тут тепло, пальмы, птички летают, цветные рыбки в фонтанах. Только морского прибоя не хватает.

– Большую часть времени приходится проводить в помещениях, поэтому мы как можно чаще стараемся бывать на природе, если только позволяет погода. Это поддерживает психологическое равновесие. К сожалению, прогулки по лесу бывают нечасто. Зимой здесь снежные бураны, летом ураганные ветры и ливни. Когда выйти подышать воздухом не получается, мы проводим время здесь. Такие зоны есть почти в каждом здании. Есть еще спортивные зоны с тренажерными и игровыми залами и бассейнами.

– Черт возьми. А вы неплохо устроились, – с откровенной завистью сообщил Дорси, когда они уселись за столик небольшого уютного кафе. Он достал блокнот и ручку, что-то написал, потом вырвал листок, смял его в маленький комочек и положил в карман брюк. – А чему я, собственно, удивляюсь. «Эдем» стянул на себя огромные финансы со всего мира. Даже не могу представить, скольких людей этот проект лишил права на будущее.

– Финансирование шло на правительственном и частном уровнях. Страны, которые хотели создать что-то свое, имели возможности и ресурсы, чтобы это сделать. Скандинавия, Аляска, Исландия – успешные государственные проекты, пусть и в меньших масштабах. Гренландия – вполне удачный частный проект. Ну и Лабрадор, наверное. Хотя у вас довольно закрытое общество, поэтому информации о том, как вы живете, очень мало.

– Уж поверьте, живем гораздо хуже, чем вы. Большинство ютится в ангарах казарменного типа. Семейным предоставляется маленькая комнатуха, отделенная от остальных тонкой пластиковой перегородкой. Зимой света и тепла минимум. Еда синтетическая или протеиновый суррогат на основе водорослей. Такое, – ученый сделал размашистый жест рукой, – наверно, есть только у правительства. Но люди благодарны республике за то, что она дала им возможность выжить. К тому же у нас есть цель. Мы хотим восстановить планету.

---

²⁹ Горизонтальная или наклонная движущаяся дорожка без ступеней, используемая для ускорения или облегчения передвижения пешеходов.

– Цель благородная. Но Лабрадор не сможет достичь ее в одиночку. Даже Территории такое может оказаться не под силу. Поэтому мы хотим объединить всех в Северном полушарии. Вместе у нас будет больше шансов победить стихию.

– Вы недооцениваете Лабрадор, молодой человек. Вернее, гениальных ученых, которые там работают, – грустно улыбнулся Дорси. – Процесс восстановления уже запущен. Сейчас необходимо лишь время и немного удачи.

– Вы о чем? – Лекс посмотрел на собеседника с явным недоверием.

– Со временем вы все поймете сами. Жаль, что я не доживу до этого момента. Если бы не эта опухоль у меня в башке... – ученый расслабленно потянулся. – Как все-таки здесь хорошо. Послушайте, я видел на одной из дорожек указатель. Наверху что, расположена смотровая площадка?

– Да, там есть смотровая площадка. Вечером с нее можно видеть огни Москвы.

– Огни Москвы, – тихо повторил Дорси. – А можно туда подняться?

Через секунду Лекс получил по нейрочипу добро от наблюдателя СБТ. Они встали из-за стола и направились в дальний конец зоны, где находились лифты, идущие к смотровой площадке.

Наверху было безлюдно, ветрено и морозно. Казалось, даже термोकостюмы и лицевые щитки не защищают от пронизывающего холода. На небе едва различимые из-за исходящего от кластера света мерцали звезды. На востоке над Ленской низиной взошла убывающая луна.

– Ветер поменялся. Завтра накроет циклон с Тихого океана. Снежный буран на пару недель нам обеспечен, – озвучил прогноз погоды Лекс.

– Спасибо, что вывели меня подышать воздухом, – Дорси поднял щиток и подставил лицо свежему морозному ветру. Кашлянув несколько раз с непривычки, он покрутил головой. – Так где ваши огни Москвы?

– Чуть севернее, – Радин показал рукой на северо-восток, и они перешли к другому краю открытой смотровой площадки.

Вдалеке виднелись огни столицы Территории. В морозном ночном воздухе с этого расстояния были хорошо видны сияющие подсветкой высоты центральной застройки Административного центра, от которых в стороны, постепенно снижая этажность, шли кубы жилых кварталов. Чуть восточнее светились купола спортивных арен. В небе над городом мигал десяток огоньков от воздушных судов.

– Красиво, – выдохнул Дорси и, перегнувшись через высокие перила, посмотрел вниз. Сверху соединенные светящимися переходами здания кластера напоминали лабиринт с широкими, засаженными приземистым лесом проходами. – Послушайте... Я уже не жилец. Не вижу смысла дальше цепляться за жизнь. Вы, похоже, разумный, адекватный человек. Я бы хотел, чтобы у вас осталась хоть какая-то память о сумасшедшем ученом из Лабрадора, который пытался спасти планету. Вот. Возьмите, – он повернулся спиной к висящему в нескольких метрах над ними микродрону наблюдения, расстегнул термोकостюм, достал из нагрудного кармана куртки древнюю капиллярную ручку и протянул ее Лексу. – Сейчас такие уже не производят. На смену старой доброй канцелярии пришли фотохромные стилусы, многоразовая бумага, нейрочипы с облачной памятью и виртуальным письмом. А это – настоящие чернила. Нет ничего лучше, чем видеть, как они ложатся на белый лист, фиксируя на нем для потомков твои мысли и чувства. Только не выбрасывайте ее и никому не отдавайте. Поверьте, через несколько лет она вам очень пригодится.

– Спасибо, – смущенно проговорил Радин, немного удивленный таким странным порывом пленника. Он протянул руку за подарком, но ручка выскользнула из пальцев Дорси и упала на пол. – Не беспокойтесь, я подниму.

Лекс нагнулся за ручкой. Козырек капюшона на секунду скрыл от взгляда стоящего возле него пленника. Когда он выпрямился, то рядом никого уже не было. Ошарашенный и напуганный, он осмотрелся и тут же услышал через нейрочип возбужденный доклад наблюдателя СБТ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.